

Странные романы

Юрий НИКИТИН

Я – сингуляр

«ЭКСМО»

2007

Никитин Ю. А.

Я – сингуляр / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 2007 — (Странные романы)

ISBN 978-5-699-24602-1

«Этот роман... даже я при всем нахальстве не решаюсь сказать, к какому жанру принадлежит. Возможно, к совсем новому, пока еще не существующему. Нобелевскую премию за него, конечно же, получу, это и козе понятно, но этого, увы, мало. Хочу большего: чтобы слова и идеи, вложенные в этот роман, сработали, подействовали. Чтобы и вы стали сингулярами».

ISBN 978-5-699-24602-1

© Никитин Ю. А., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Предисловие	5
Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	46
Глава 9	51
Глава 10	57
Глава 11	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Юрий Никитин

Я – сингуляр

Предисловие

Очень трудно писать «правильные» вещи. У всех, а я не исключение, срабатывает встроенная защита от скучной и навязываемой правильности. Не случайно в героях разбойник Робин Гуд, а не ноттингемский шериф, дружно поем о Степане Разине, Пугачеве, Кармалюке и прочих преступниках, а не о тех, кто наводил порядок и тащил страну к прогрессу.

К тому же, как я сам писал в своем учебнике для желающих стать писателем: «Всякая правильность угнетает». Можете объяснять это чем угодно, но это факт. Потому антиутопии всегда популярнее утопий, а все революционеры и бунтари, всякий раз заливающие страну кровью и отбрасывающие ее назад, симпатичнее, чем любая власть, а книг о них, революционерах, – море.

Всем вам (увы, и мне) намного симпатичнее прилежных учеников и студентов те орлы, что ничего не знают, а экзамены сдают благодаря невероятным хитростям. Мы даже закрываем глаза, что потом эти «специалисты» строят нам дома, что рассыпаются, и самолеты, что разваливаются, это они рассчитывают прокладку водопроводных труб так, что те лопаются при первом же морозе... а уж в больницу так вообще стремно, когда вспомнишь, что те, не посещавшие лекций, не отличают печень от аппендикса. И обязательно забудут в животе скальпель, тампоны и перчатки. Ха-ха, еще и будут рассказывать о таком приколе! И всем, давайте скажем честно, будет весело. Только не вам, пациенту. Возмечтаете попасть к недавнему зубриле.

В обществе всегда востребованы пародии, приколы, высмеивания и вообще любое оплевывание существующего или предлагаемого к осуществлению. Простые люди, которые очень даже простые, в баймах играют за Тьму, за орков, вампиров, оборотней, гангстеров, за Хаос, а в «Ну, погоди!» сочувствуют, понятно, волку. Любому писателю в миллион раз легче писать «Долой!», чем предложить что-то взамен. И трудно, и... невыгодно. Заплюют.

Но, как ни проще: «Долой учебу, лектора – на мыло!», все-таки преподавать надо. Как в школе, вузах, так и везде. Говорить прописные истины тоже надо: большинство о них не слышали, но, робин гуды хреновы, заранее воротят носы. Тем более надо говорить те истины, которые еще не истины, а станут ими потом, попозже. Когда «внезапно» настанет Новый Мир, но дверь для абсолютного большинства окажется уже игольного ушка.

Девяносто девять из ста об этой книге снова скажут, как о последней стадии маразма, о том, что Никитин пишет все хуже и хуже, это я слышу уже лет пятнадцать, словом, пусть говорят. Роман рассчитан на тот единственный процент, входящие в который в состоянии пройти, если подготовятся, Великий Отсев. Ради этих людей книга и сделана.

Потому что, человек старой школы, я хотел бы студентов побольше, а бездельников в подворотнях – поменьше.

P.S. Кстати, новый сайт, где собираются те, кто планирует войти в сингулярность, здесь: www.transchelovek.ru

Юрий Никитин

Я – сингуляр!

Часть I

Глава 1

Жара, асфальт плавится. У всех бутылки с пепси, мороженое или холодное пиво. Молодая женщина в очень коротких шортиках и маечке с открытым животом идет навстречу, лицо в жутких кровоподтеках, плечи обезображены синяками, живот в желтых пятнах уходящих кровоподтеков, даже ноги смахивают на леопёрды из-за россыпи темных пятен.

Улыбнулась горделиво-смушенно, заметив мое внимание, прошла мимо, подав красиво очерченную грудь вперед и подтянув живот. Я проводил ее взглядом, а она, чувствуя, что мужчина повернул голову, подтянула задницу и дразняще поиграла на ходу ягодицами. От обеих выпуклых половинок темно-сизые пятна опускаются плотным роем почти до колен.

Совсем недавно женщина с такими кровоподтеками стеснялась бы вынести ведро к мусоропроводу, неважно, как заработала фонарь под глазом, а теперь все понимают: пятна на морде – уколами геля морщины растирает, на пузе и боках – жир сгоняет, ноги – ну, понятно, борьба с целлюлитом идет всерьез...

Фонари под глазами современной женщины – знак качества: следит за собой, не опускается.

Я вздохнул, меня ждет Лариска, да и вообще-то я асексуал. По крайней мере, по убеждениям. Лариска – мой герлфренд. «Мой» в современном прочтении значит, что в спорных случаях: с кем пойти и с кем лечь – отдает предпочтение мне. А так вообще-то смотрит по сторонам, как и всякая нормальная женщина в поисках лучшего шанса. Лучший шанс для женщины по-прежнему, несмотря на всю их раскрепощенность, все-таки в лице солидного и надежного мужчины.

Для мужчины лучший шанс все тот же: найти поляну с толстыми и жирными мамонтами и выкопать ловчую яму у стада на дороге, для женщины – найти умелого добытчика. В звериной шкуре и с дубиной или в костюме и при портфеле – без разницы, суть не меняется, мир все тот же. А что женщина сейчас работает и хорошо получает, дескать, мужчина вообще не нужен, – защитная реакция тех, кого самцы избегают.

Лариска из тех, кого не избегают. Еще как не избегают.

Я остановился на пороге студии, щурясь, впереди слишком пестрое, цветное, а человеческие фигурки пародийные: слишком длинные волосы у мужчин, лишь у двоих убраны в женские косы, серьги в ушах, как у цыган, цепочки на шеях... Помещение, похожее на ангар для крупногабаритных вертолетов, залито ярчайшим светом мощных ламп, воздух горячий и пропитанный запахами дорогой косметики, духов, дезодорантов и пота.

Лариска под двумя лампами запрокинула лицо. Жгучий свет выжигает тени, гримерша тщательно удлиняет разрез глаз, прямо Клеопатру рисует, наращивает такие мощные ресницы, что на них можно положить карандаш фирмы «Зомлер».

– Привет, – сказал я всем.

Мужчины поприветствовали кислыми улыбками, кто-то вообще посмотрел недружелюбно. Лариска распахнула глаза в испуге и удивлении.

– Что, уже?.. Опаздываем?

– Это я на полчаса раньше, – успокоил я. – Работу закончил, решил тебя подождать здесь.

Гримерша сказала строго:

– Не разговаривайте. Рот будет как у лягушки.

Ее пальцы накладывали на губы Лариски толстые слои пурпурной краски.

– Молчу, – сказал я.

– Не дергайся, – велела она Лариске, – последний штришок.

Пока рисовала, я молча любовался своей герлфрендой. Воплощение мужских грез: роскошная блондинка, мощный приподнятый бюст и осиная талия, что вырастает из крутых бедер. Зад, естественно, вздернут, ноги стройные и такие длинные, что, когда подходишь сзади, причинное место оказывается точно на нужной высоте, с ума сойти, это не привычное состояние, когда женский зад на уровне твоих колен, и потому древний инстинкт в тех случаях просто позевывает.

Невинное кукольное личико без единой мысли, всякого приводит в восторг, как же – резиновая кукла, но живая, с ума сойти! Высокие брови, огромные голубые глаза иногда становятся синими, пухлый рот одни называют детским, другие – чувственным, белая девичья шея и глубокий вырез платья, что всегда оттопыривается, и потому, если кто смотрит на уровне выреза, видит выступающие аппетитные вершинки белоснежных холмиков, а кто заглядывает чуточку сверху, зрит и розовые кружки, увенчанные, как говорят, сладкими ягодами землянички.

Ну, а если подойти вплотную или заглянуть со спины, можно усмотреть далеко внизу, в самом низу живота, интимную стрижку. Лариска по последней моде не носит трусиков, даже символических, ссылаясь на аллергию.

Дорисовав, гримерша подхватила мольберты, прямо Рембрандт, и убежала. Волосатый парень с массивными серьгами в ушах и цепочкой на груди, это их режиссер, с подозрением всмотрелся в глубокий вырез платья Лариски.

– Уверена, что не стерлось?

Лариска быстро взглянула в мою сторону.

– Нет.

– Не уверена?

– Думаю, – сказал Лариска, – пока держится.

– Ну, – буркнул он, – если так думаешь, наверняка подновить надо.

– Вадик! – воскликнула Лариска протестующе.

– Мария, – позвал он. – Мария!

Гримерша тут же появилась, быстрая и услужливая, в руках все те же коробочки с красками и кисточками, через плечо широкий ремень с объемистой сумкой. Вадим кивнул Лариске, она сняла бретельки с плеч и опустила платье, обнажив крупные груди с широкими светло-коричневыми сосками.

Вадик хмыкнул:

– Я ж говорил, почти стерлось. Мария, покупаешь подешевле, а цены какие ставишь? Смотри, начну чеки проверять!.. Поднови, но так, чтобы через десять минут не исчезло.

– Да у меня все импортное! – запротестовала гримерша.

– Импортное, – пробурчал Вадик, – знаем, в каком колхозе делают такой импорт.

Гримерша, виновато опуская голову, торопливо закрашивала коричневые соски под телесный цвет, потом рисовала поверх нежно-розовые кружки, но уже по размеру намного меньше, так эротичнее. Ниппели совсем опустились, Лариска ухватила за кончики и торопливо терла, заставляя подняться и покраснеть, разбухнуть.

Вадик смотрел с тоскливой безнадежностью.

– Ну что же ты так?

– Щас-щас, – пообещала Лариска.

Он махнул рукой.

– Ладно, хватит. И так из графика выбились.

– Еще чуть-чуть...

Он покачал головой.

– В компьютере наши умельцы подправят... Но послезавтра концерт вживую, там эти штучки не пройдут.

Гримерша быстро-быстро опускала кисточку в узкое горлышко тюбика с клеем, а когда вытаскивала, на кончике ярко блестела пурпуром вязкая жидкость, похожая на быстро застывающий вишневый клей. Лариска поддерживала обеими ладонями грудь, все еще терла кончики, и отпустила, когда кисточка приблизилась к ее пальцам.

Гримерша сумела закрепить набухшие соски, теперь кажутся влажными, что еще эротичнее, словно только что из жадного мужского рта. Вздутые кончики показались мне похожими на разбухшие от крови брюшки исполинских комаров.

– Снимаем! – велел он быстро. – Все по местам!.. Быстрее-быстрее! С ума сойти, третий день переснимаем!

Лариска набросила тонкие бретельки платья на обнаженные плечи, грянула музыка, динамики задрожали от рева. Лариска ухватила микрофон и, пританцовывая, начала выкрикивать слова песни. Я заметил, что режиссер и его команда напряженно смотрят на подпрыгивающую грудь Лариски.

Я тоже засмотрелся с понятным ожиданием мужчины: вот грудь так трясется, что может и оказаться на свободе.

Режиссер делал руками отчаянные жесты, будто танцевал лезгинку. Лариска поняла, что пора шевелить плечами, сделала кокетливое движение. Лямка начала сползать, и в это время левая грудь, подпрыгнув, зацепилась выступающим соском за край платья, ослепив меня, словно боевой лазер, которые делают из рубинов.

Лариска невольно скосила глаза, но продолжала петь, режиссер застонал так громко, что перекрыл грохот барабанов.

– Стоп-стоп!.. Выключите музыку!.. Не понимаю, что мне с вами, тупоголовыми, делать?

В студии стало тихо, Лариска растерянно развела руками, обеими руками спрятала грудь, стараясь не задевать сосок, сейчас закованный в красную прозрачную сосульку клея.

– Ох, прости, – сказала она виновато.

– Прости, – передразнил Вадик. – Ты не должна замечать, забыла?.. Ты так увлечена своей песней и танцем, что не заметила, понимаешь? Не заметила, что грудь выскользнула на свободу, просто допела до конца!.. А довольный рев и аплодисменты принимаешь на счет своего великолепного исполнения, поняла? Улыбаешься, раскланиваешься и только тогда замечаешь...

Лариска сказала умоляюще:

– Еще разок! На этот раз не отвлекусь!

Он вздохнул, посмотрел на часы.

– Через двадцать минут надо быть в студии у Геворкянца. Рекламный ролик про пиво, надо успеть. И еще о каком-то средстве от перхоти... Ладно, скажу ребятам, чтобы в три-дэ помудрили. Все равно спецэффектов уйма, никто не заметит... Но, Лариска, через три дня у тебя концерт вживую! Там все должно пройти на глазах у зрителей!

Тучи ушли, мы выскочили под сияющее небо, отмытое от инверсионных следов истребителей, от пыли и городских испарений. После грозы совсем не то небо, что обыденное, рабочее, собравшее под свой купол дымы городских фабрик, испарения болот, чад выхлопных труб миллиардов автомобилей, дым пожаров, пепел и гарь вулканов, горящих нефтехранилищ и сжигаемых отходов природного газа.

И хотя в Москве вроде бы ни вулканов, ни горящих нефтехранилищ, но в жаркий, несмотря на апрель, день именно «вроде», а на самом деле как будто все горит и плавится.

Двери троллейбуса злорадно захлопнулись прямо перед нами. Если бы Лариска была одна, водитель бы подождал, а так приятнее унижение другого самца, все мы соперники. Я в

очередной раз подумал, что мне даже не надо затягивать пояс, чтобы копить на покупку авто. Сейчас рассрочки, кредиты и прочие крючки, на которые стоит только разок попасть...

О чем подумала Лариска, не знаю, хорошо владеет лицом, только засмеялась несколько делано:

- Гад этот Вадик... на трех работах пашет, многостаночник, да еще и подработки берет!
- И все успевает? – усомнился я.

Она вздохнула:

– Успевает, сволочь. Талантлив. Только не хочет ни за что большое братья. Говорит, на мелочах больше сшибает... а славы ему в таком деле не надо.

- А что там с выпрыгивающим выменем? – спросил я. – Это в самом деле необходимо?

На опустевшую остановку начали подходить люди. Двое парней оглянулись на Лариску, она сразу подобралась, в глазах загорелся кинозвездный блеск: ее начали узнавать на улице! Я смолчал, насчет узнавания вряд ли, таких начинающих тысячи, просто хороша как по фигуре, так и мордочкой. И держится с прямой спиной и выпяченной грудью, в то время как большинство девчонок ходят сторбившись и на полусогнутых, так удобнее, все помешаны на дури: «... принимайте меня, какая есть!»

- А как же, – ответила она, понизив голос, – сейчас это самый писк.

– Показывать сиськи?

– Одну, – уточнила она. – Разница большая.

– Вдвое, – сказал я.

Она нахмурилась.

– Не понимаешь... Когда просто поднимаешь майку и показываешь сиськи – это одно, понял?

– Нет, – ответил я.

– Это просто, так все девчонки делают. А когда нечаянно – реагируют куда сильнее!

– Добавляется скандальность?

– Ну да, – согласилась она. – И еще запретность. Нарушение этой самой запретности...

А человек, который успел подсмотреть, он как бы, как бы...

– Выиграл по лотерейному билету? Который просто подобрал на улице?

– Ты молодец, – похвалила она, – именно выиграл. Другие не выиграли, а он выиграл.

Разве он не счастлив?

Глава 2

Подошел троллейбус, народ ломанулся в распахнувшиеся двери. Мы втиснулись в общем потоке, нас прижало на задней площадке, в то время как остальные, отталкивая друг друга, рвались к освободившемуся сиденью в салоне: время рынка, выживает сильнейший, а бога, как доказано экономикой, нет.

Начало моде, объясняла она, когда нас вынесло на нужной остановке, положили ведущие звезды шоу-бизнеса и кинозвезды. У них вроде нечаянно то грудь выскользнет из глубокого выреза, то лямка соскользнет с плеча, обнажая красный сосок с ниппелем. Вообще-то грудь и без того обнажена практически вся, но пока еще прикрываем сам сосок, заметил? И когда такая певица все время танцует на сцене, две трети в зале смотрят неотрывно и гадают: выпрыгнет грудь или не выпрыгнет?

– Ну да, – согласился я, – и, чтобы не разочаровывать, пришлось придумывать это? Нечаянное выпрыгивание?

– Вот-вот, – обрадовалась она, – ты все понимаешь!

– Спасибо.

– Милый, ты бываешь ужасно сообразителен. Но публика должна думать, что это все нечаянно, случайно. Иначе потеряется кайф запретности.

– Нарушения.

– Да, нарушения запретности. Ты ужасно милый, ты знаешь?

Я буркнул:

– Правда? Прибавь шагу.

Показался дом, где живет наш именинник, а я вспомнил, что теперь к трюку с выпрыгивающей грудью прибегают все чаще. Раньше певицы сразу вроде бы пугались и, страшно смущаясь, прятали вымя, потом стали делать вид, что не заметили, и так допевали песню до конца, прыгая и потряхивая обнаженной грудью, здесь режиссер Вадик прав: если уж играть, то не вполсилы.

Лариска быстро-быстро перебирала ногами, хотя на таких длинных можно шагать и шире, но это неженственно, а я все ускорял шаг, так что запыхалась, щеки налились жгучим румянцем, а дыхание стало чаще.

– Но это становится массовым, – заметил я, – так?.. Сливки собрали те, кто придумал первым. Остальным сыворотка. Да и той все меньше.

– Ага, – ответила она сердито.

– Что-то придумывается еще?

– В этом... направлении? – спросила она, запыхавшись.

– Да.

На подходах к дому прошли мимо огромного интим-шопа. Из услужливо распахивающихся дверей вышел бодрый мужчина с надувной куклой под мышкой. Вообще-то эти покупки выносят в судом состоянии, а надувают снова дома, но этот то ли поленился, то ли ему не ехать переполненным общественным транспортом.

Встречные прохожие реагировали по-разному: одни бросали ленивые взгляды и тут же забывали, группа молодых парней удивилась, почему не взял Памелу Андерсон или Юхансон, вчера еще в продаже были, пенсионная пара сердито плюнула вслед, а прыщавый подросток спросил деловито насчет модели, а то уже выпустили модификацию с задранными к ушам ногами, но поступила ли в продажу...

Лариска хмыкнула:

– Наверное, памел разобрали.

– Такой спрос?

– Ну, сходство имеет значение, – пояснила она. – Меньше нужно напрягать воображение. Вы ж, мужчины, напрягаться вообще не любите!

– Нет, я не о том, – сказал я. – В моде всякие штучки с юэсби...

– У тебя тоже есть, – уличила она весело, – я видела!

– Есть, – согласился я.

– Ну и как?

– Забавно, – сообщил я. – Уже сейчас вам серьезная конкуренция, а то ли еще будет!

Она фыркнула:

– Не задавайся. Все, что ваши куклы умеют, мы тоже можем.

– А завтрашние?

Лариска отмахнулась:

– Живем сегодня.

У подъезда дома молодая и довольно тощая женщина с огромной грудью прогуливалась с ребенком двух-трех лет, часто и без нужды наклонялась к нему, демонстрируя выпадающие из выреза сиськи, а тем, кто сзади, – роскошные ягодички без намека на целлюлит и мощные половые губы, ярко-красные, как у самки павиана.

Нас она не сочла достойными внимания, но я все равно заметил, что внутренние губы все же высовываются, даже провисают, результат трудных родов, так что еще одной операции не избежать.

Лариска перехватила мой взгляд, я ощутил неловкость и сказал презрительно:

– Фи, силикон...

Лариска, вместо того чтобы ощутить себя польщенной, у нее ж все свое, посмотрела обиженно.

– Славик, а почему ты, такой умный, такой дурак?

Я удивился:

– Почему дурак?

– А что в силиконе плохо?

Я кивнул на ее выступающие груди:

– У тебя же без всякого!

Она оживилась:

– Классные у меня сиськи?.. Сама иногда щупаю. Но, Славик, когда-то обвиснут!.. И что, не подтягивать? Может, еще и губной помадой не пользоваться? И тушью для ресниц?

Я сказал озадаченно:

– Губная помада при чем... Да ладно тебе, Лариска! Это наша мужская реакция.

И сам подумал стыдливо, что мы, мужчины, во всем и везде – революционеры, но, когда касается женского гардероба или кремов, гелей, шампуней, пилочек для ногтей и прочей непонятной хрени, коей у них забита вся ванная комната, все отметаем решительным взмахом руки. Но в то же время требуем, чтоб были красивыми и удовлетворяли всем нашим требованиям, а это в первую очередь вот такие и вот такая, а также губы, талия, ноги... Даже каблук повыше, это чтоб нам меньше подгибать колени, когда они наклоняются.

– Да-да, – признал я, – ты права, свиненок. Это я так, мужской шовинизм подал голос.

Пока ждали лифт, Лариска чуть отдышалась и сказала с восторгом:

– А ты не только милый, но и умный! Все сразу понял. Ты прав: как только трюк с выпрыгиванием сисек пошел в творческие массы, сразу же все начали ломать головы, чем интерес разжечь еще...

Молодец, мелькнуло у меня, никакими надувными куклами ее не собьешь, все в работе, вся в работе. И все думает, как повысить производительность своего нелегкого труда.

– И как? Придумали?

Створки лифта распахнулись, мы вошли, со стороны подъезда хлопнула дверь, Лариска поспешно нажала кнопку закрывания, объяснила торопливым шепотом:

– Там бабища с сумками и коляской! Ну ее...

– Ну ее, – согласился и я. – Мы не мамы-терезы.

От двери донесся женский голос с просьбой подождать, но лифт уже тронулся, Лариска с облегчением вздохнула.

– Ненавижу этих толстух с колясками, – объяснила она. – Все загородят, дети такие слюнявые... Так вот, попал в самую точку!.. Ты правда умный, с ходу замечаешь главное... Сейчас как раз модельеры начали разрабатывать особые лямки из эластичного шелка, представляешь? Соскальзывают по обнаженному плечу, как намыленные!

– Круто, – согласился я, несколько не сомневаясь, что такие модельеры зарабатывают больше, чем профессора, создающие лекарства против рака или полиомиелита. – А бюстгалтеры вы все не носите?

Она вздохнула, лицо помрачнело.

– Тут, Славик, сложность...

– В чем?

Пахнет вкусно и зовуще, я с высоты своего роста с удовольствием рассматривал полушария ее груди с белой атласной кожей. Лариска мило улыбнулась и опустила бретельки. Сиськи выпрыгнули, заколыхались, так и просясь в мои ладони, что сразу ощутили приятную тяжесть и скрытый жар.

Но лифт дернулся и остановился. Лариска одним движением вернула платье на место, отпихнув мои ладони, задорно показала язык.

Створки разъехались, мы вышли на площадку. Выход на обе стороны перекрыт бронированными дверьми, Лариска быстро нажала нужную кнопку звонка, за секунду до этого успев принять обложечное выражение лица перед глазком телекамеры.

В динамике послышался хрипловатый голос:

– О, Лариска и Славик!.. Бегу...

Через минуту щелкнул замок, по ту сторону двери на лестничной площадке улыбающийся Люша, огромный и широкий, к своим двумстам кило живого веса за это время добавил еще килограммов пятьдесят. А то и все сто, для него это просто. Настоящая гора колышающегося мяса, но любит бороться на локтях, хотя, конечно, для такой массы дурной плоти ни отжаться от пола, ни подтянуться на перекладине. Да что там подтянуться – повисеть не сможет.

Он гостеприимно распахнул толстые, как окорока, руки, Лариска с готовностью подставила ему щеку. Он с удовольствием звучно чмокнул оладьями губ, эхо прокатилось по всей лестничной площадке. Со мной обменялся привычно вялым интеллигентным рукопожатием, моя ладонь на мгновение утонула в его лапище, как щепочка в сырой глине.

Захлопнув дверь и дважды повернув ключ, он прогудел укоризненно:

– А мы уже без вас сели! Так что штрафную, штрафную...

Дверь из квартиры распахнута в общий холл, бьет яркий свет, и доносится бодрая танцевальная музыка. Подталкивая нас в спину, Люша втеснил в прихожую, дверь за нами захлопнулась с хищным шелканьем множества стальных зубов.

Лариска спросила независимо:

– Какую такую штрафную?

– Положено, – прогудел Люша. – Завет предков!

– Эт смотря чего!

– Обижает, – сказал Люша мощным басом. – У нас есть усе. Как в Греции.

– Почему в Греции?

Он хохотнул:

– Не знаю. Бабушка говорила, что в Греции есть все.

– Ни хрена там теперь нет, – сообщила Лариска. – Была я там прошлым летом. Даже отели такие... будто это их, а не Филиппины процунамило.

Она сделала вид, что намеревается разуться, Люша запротестовал, не в Джапии живем, рука об руку прошли в большую комнату. Музыка, веселый гам, стол ломится от обилия яств: жена Люши Василиса наловчилась использовать каждый сантиметр столешницы, умело заставив стол четырехугольными блюдами и вазами. Масса холодных закусок, ассорти из рыбы и мяса всех пород и сортов, минимум травки, мы ж не козы, а люди – хищники...

Люша покушать очень даже не прочь, сам собой такой животик не разрастается, его нужно постоянно ублажать чем-то особо калорийным, пряным, сладким и соленым, перченым и копченым, а также сдобными булками и тортиками, пирожными, а их теперь столько – глаза разбегаются.

Я остановился на пороге, охватывая взглядом комнату и гостей. По ту сторону стола, в самом центре, на двух стульях царствует непомерно широким задом Василиса, Люше по габаритам уступает совсем немного. Ее подруги, Татьяна и Ольга, обожают ходить по вещевым магазинам и перемерять всевозможные шортики, Василиса предпочитает мясной и рыбный рынки, они вблизи дома, все продавцы ее знают, приветствуют ликующе: Василиса хоть и отчаянно торгуется, но берет много, а когда приходит на рынок с Люшей, у продавцов праздник. Стоит посмотреть, как закупают продукты, эти Гаргантюа и Пантагрюэль в действии.

В комнате я улыбался, пожимал руки, давал себя похлопывать по спине и плечам. Почти все знакомы, только одну женщину вижу впервые, да еще двое мужчин, возраст средний, животики свешиваются через ремни, щеки на плечах, но до Люши далековато.

Они поприветствовали меня с дежурной сердечностью, Василиса объяснила, что это однокашники Люши. Однокашники кивали, улыбались, я видел, как блудливо следят за Лариской, мысленно раздевают и ставят во все позиции. Лариска царственно улыбается всем, лямка с плеча вот-вот соскользнет, но не соскользнула: неча бисер метать перед теми, кто не оплачивает концерты.

Из просторной кухни лязг, перестук каблучков, веселые голоса и смешки пополам со звяканьем посуды, шипением масла на сковородах. Еще оттуда вают зримой стеной цунами мощные запахи жареного мяса с луком и специями, вареной рыбы...

Нос мой жадно ловит ароматы, а я, стараясь это делать незаметно, пощупал складку на животе. На боках, увы, намечаются солидные валики, а ведь мне только двадцать семь, должен быть стройным, аки лань. Ну, самец лани, как его там...

Не понимают, мелькнула мысль, что мы в ловушке. Изобилие обрушилось подобно лавине. Миллионы лет человек голодал и привык набрасываться на еду, едва та мелькнет на горизонте, потому любой праздник – это прежде всего жрачка до отвала. Но если раньше в самом деле до отвала только в самые большие праздники, да и то стол не бывал таким... чрезмерным, то теперь еды всегда от пуза. А таким накрытым столом отмечаем каждый пустячок. И одновременно горстями жрем пилюли, что гробят печень, только бы не допускать полуметровых отложений сала на боках и пузе.

Пили, ели, потом по одному, по двое начали вылезать из-за стола, кто в туалет, кто на площадку покурить. Лариска куда-то исчезла, я направился к балкону, из второй комнаты вышла с толстенным альбомом в руках Ольга, подруга Василисы, сердечно поцеловала меня в щеку. Хорошая и милая молодая самочка, как говорится, женщина на любителя: пышные ноги и длинная грудь, но успехом пользуется у всех мужчин, так как смеется весело, знает много смешных историй, обладает громадным чувством такта, всегда готова помочь в сексуальных проблемах, отдачи не требует, в любой компании задает хорошее настроение.

– Пойдем смотреть альбом, – пригласила она заговорищицки. – Что они там наснимали?

– За отпуск? – спросил я.

– Ну что ты, отпускные давно пересмотрели! Они на той неделе к Симовичам ездили в их загородный дом! Шашлыки жарили, по лесу бегали... Посмотрим, кто с кем бегал и в какой позе...

Она хихикнула, я предположил:

– Думаю, не все старались попадать в объектив. Если Симович в самом деле шишка.

– А вот посмотрим, посмотрим...

Я пошел за ней, но остановился в дверном проеме. Татьяна и женщина, имя которой я не запомнил, хоть и знакомили, сидя на диване в гостиной, с жаром обсуждают, кто и куда поедет в этом сезоне от-ды-хать. Не просто отдыхать, а то ли с прописной буквы, то ли вразбивку, но это слово у них выговаривается, как в Индии говорят о священных коровах, Индре и шестигрудой Лакшми. И хотя сейчас конец апреля, хоть и рекордно жаркий, до отпусков еще месяца три, но уже покупают кремы для юга, примеряют странно сузившиеся купальники и решают, что в этом сезоне пора взять на размер больше. А то и на два, с чего себя мучить диетами? Один раз живем, надо жить в свое удовольствие.

Ольга села к ним на диван, на коленях Татьяны разместился огромный гляцевый альбом. Не только обложка отсвечивает жидким стеклом, но все страницы гляцевые, заполненные изумительно красочными фотографиями отелей, стоянок для автомобилей, полос пляжа, накрытых столов с экзотическими блюдами и дорогими винами. Я не видел, чтобы хоть один Эрмитаж или Лувр был издан так роскошно, хотя, если честно, мне эти нотр-дамы до лампочки, это я так, из чувства справедливости, как говорят, хотя на самом деле из понятного ехидства.

– А вот здесь мы были! – заговорила Ольга ликующе и ткнула пальчиком, унизанным множеством колец, в глянец. – Не совсем в этом месте, а левее, но все равно на этом побережье!

– И я была на Средиземном, – ревниво вставила Татьяна. – Чудесно, надо сказать!.. Мы в восторге. Все элегантно, клопов нет, горячая вода всегда, представляете? Когда ни поверни кран – вода!.. Как у нас в Москве. А какие слуги вежливые! Все улыбаются, улыбаются, улыбаются. Как у них эти мордовые мускулы не болят... Или им специальную пластическую операцию делают, чтобы улыбались?.. А какое море!.. Какое солнце!

Шлепнув меня по заднице, в комнату прошла Лариска, женщины посмотрели на нее ревниво-оценивающе, взгляды тут же погасли. Лариска села возле них на подлокотник дивана, так можно изогнуться красивее, линия высокой груди становится такой вызывающей, что трудно отвести взгляд.

– Мы были в Египте, – сообщила она, – Гена совсем сгорел! Шкура снималась лоскутами, представляете?.. А он смуглый от природы, а таким обгореть – надо постараться.

Кто такой Гена, подумал я рассеянно и, конечно, беззлобно. Явно что-то одноразовое, как шприц. Лариска из тех, кто голову не теряет. Мы с нею больше приятели, чем сексуальные партнеры. Я не из тех, с кем она захотела бы связать судьбу чуть крепче, чем мы уже есть: ей нужен богатый спонсор, а я хоть и простой сетевой админ киноконцертного центра, а также программист их нехитрых требований, для более близких отношений предпочел бы девушку, как говорится, попримичнее. Не певичку, что озабочена, как бы еще эффективнее показать публике сиськи.

Вслед за Лариской притащились те два типа, что школьные приятели Люши. Сдержанно-раскованные в манерах, каждым движением напоминающие, что они чиновники не самого низкого звена и что с удовольствием бы расслабились по самой полной, если тут соблюдается секретность.

Пришел солидный и немногословный Константин с женой Валентиной, та под села на диван к Ольге и Татьяне, а незапомнившаяся женщина ухватила за пультик и начала перебирать каналы, приговаривая: «Это у нас есть... И этот... и этот есть... ага, и этот...»

Татьяна, посмотрев пару минут на снимки, заскучала, поднялась и ходила из комнаты в комнату, загадочно улыбаясь и покачивая широкими бедрами. Ноги у нее длинные, хоть и чуточку полноватые, но красивой формы зрелой женщины, когда так и хочется куснуть хотя бы за тугую голень.

Она одевается по последней моде: в короткой юбчонке и, конечно, без трусиков. В последнее время это стало самым пискком. К обтягивающим полупрозрачным майкам глаза уже привыкли, глубокие декольте перестали казаться чем-то со времен пушкинских дам-с, остались только юбчонки, что не закрывают ягодицы целиком, а только верхнюю половину.

Конечно, при малейшем наклоне все, кто сзади, видят, какого цвета ее трусики. Это, конечно, любопытно, тем более что женщины для таких вот любителей... а они, если честно, мы все... тут же придумали стринги, которые и не трусики даже, а какие-то символические ниточки. Но самые сметливые тут же стали вообще обходиться и без стрингов, тем самым на полкорпуса опередив соперниц, а женщины – все одна другой соперницы, даже близкие подруги.

Татьяна остановилась у окна, но не осталась торчать столбом, а наклонилась, опершись локтями о подоконник. Короткая юбочка задралась, обнажив тугие ягодицы. Не знаю, как она этого добивается и в какую сумму влетает, но ни следа целлюлита, кожа чистая, гладкая, словно два гигантских очищенных от кожуры яйца.

Мужчины заинтересованно начали присматриваться, но Татьяна выпрямилась, спина прямая, крикнула в дальнюю комнату:

- Василиса, а где те фото с пикника, что ты показывала?
- Диск наверху, – донесся голос хозяйки. – В спальне... Нужен?
- Да, там интересные моменты...
- Могу принести.

Татьяна сказала живо:

- Нет-нет, ты такой чудесный салат готовишь! Я сама принесу.
- Я схожу принесу, – предложила Ольга.
- Досмотри альбом, – предложила Татьяна весело. – А я мигом!

Ольга фыркнула, незнакомая женщина поморщилась, только мужчины разом приободрились. Константин взял было пульт, но забыл щелкать кнопками, а смотрел на Татьяну очень заинтересованно. Лариска взглянула на меня, но, боюсь, на моем лице такое же выражение, что и у других мужчин, Лариска только мягко улыбнулась, она из мира шоу-бизнеса, где в порядке вещей то, что в быту пока что считается ух как круто.

У Люши квартира двухэтажная: такие то бросают строить, то начинают снова. Спальни, туалет и ванная на втором этаже, а здесь гостиная, кабинет и, конечно, туалет и ванная комната для гостей.

Глава 3

Татьяна начала восхождение на второй этаж. Перила ажурные, уже на пятой ступеньке мы увидели ее пышные ягодицы и, главное, вздутые половые губы. Татьяна чуть замедлила шаг, задницу чуть подала назад и ноги начала ставить на ступеньки не так уж близко одна к другой, чтобы между ними приоткрылось, и высунулся красный дразнящий язычок, распухший и влажный.

Люшины однокашники шумно вздохнули, а Константин ухватился обеими руками за свою промежность, простонал, закатывая глаза. Валентина спросила язвительно:

- Тряпочку дать?.. А то испачкаешь трусы.
- Ох, – сказал Константин жалобно, – что женщины с нами делают!
- Ладно, перестань, а то поверят, что ты еще можешь...
- Я? – удивился Константин.
- Ну да. И попадешь, как кур в ощип.

Татьяна наконец исчезла наверху, разговор возобновился, местами более раскованный, местами, напротив, сдержанный. Мужчины то и дело посматривали на лестницу, и, как только Татьяна показалась на самом верху, все взгляды прикипели к низу ее подбритого живота, который ну никак не закрывает ультракороткая юбочка.

Сдержанно улыбаясь и делая вид, что не замечает наших взглядов, Татьяна медленно и царственно спускалась, ставя ноги таким образом, чтобы нам и с этой позиции рассмотреть накачанные гелем половые губы. В последний год, как я читал в новостях, эта операция обогнала по количеству подсадку грудных имплантатов и даже подтяжку лица.

Ольга приняла из рук Татьяны диск, ящик компа с ее стороны дивана, выдвинулась стойка дисководов, через минуту на экране появились бегающие с палками в пастях собаки, мельтешащие люди. Все начали хохотать и указывать пальцами, узнавая себя.

У Лариски лицо несчастное и донельзя встревоженное, я решил, что переживает, раз уж другая женщина сумела перехватить внимание, но Лариска наклонилась ко мне и жарко шепнула в ухо:

- Заметил?
- Трудно было не заметить, – ответил я дипломатично. – Да и нельзя, обидится.
- Понял, как надо торопиться? Если уже в быту такое начинают, то мы на сцене можем опоздать.

Я сказал осторожно:

– В быту всегда допускается намного больше. Тут и групповушку можно, а это пока еще не совсем легитимно.

Она покачала головой, горячий шепот жег мне ухо:

– Нет, искусство всегда шло впереди! Мы не должны отдавать инициативу. Иначе люди искусства потеряют влияние на массы.

- Гм, – сказал я. – Вообще-то да, люди искусства в таких делах всегда шли впереди.
- И вели массы, – дошептала она.
- Да, – согласился я. – Это да. В этом деле вели массы именно вы, творческие люди.

Она гордо вскинула голову, но лицо оставалось озабоченным.

– Надо спешить, – продолжила она вполголоса жутко деловитым тоном, – скоро вообще начнут ходить голыми. Правда-правда, я читала у одного! Уже скоро.

- Сумасшедший какой-то?
- Нет, его прогнозы всегда сбываются. За что его и не любят. Не то баймер, не то когист...
- Гад он, а не баймер.
- Так это ж не он придумывает! Он только предсказывает.

К ее жаркому шепоту начали прислушиваться, Константин возразил с неудовольствием:
– Это только кажется, что предсказывают! На самом деле потому и катится в ту сторону, что такие вот когисты-баймеры... или как ты его обозвал, напредсказывали!

Но Валентина взяла его за уши и повернула лицом к экрану. Константин умолк и стал смотреть, как люди отдыхают.

Я, поддерживая шуточный настрой, спросил у Лариски деловито:

– Как скоро это будет?

– Не знаю, – ответила она тихонько. – Но ты ж видишь, как к тому идет? Летит, а не идет. Я читала давно, еще маленькая была, не верила, а теперь вижу, все ускоряется, будто с горы летит. Как только у Кэрри Минетс вроде бы нечаянно сползла бретелька и зрители на концерте увидели ее грудь, на следующий концерт было не достать билетов! И на ее сайт ломились так, что сервер рухнул. И уже через месяц другая певица, ее соперница, Кэйт Солсу, тоже освоила трюк с бретелькой. С тех пор пошло добавляться каждую неделю по одной, а потом по две, три, пять...

Она умолкла, поджав губы.

– Все ты помнишь, – сказал я уважительно.

– Не только я, – огрызнулась она, – это такой волчий мир... Надо следить друг за другом!

Ее тонкие красиво вычерченные брови озабоченно сдвинулись над переносицей, голубые глаза потемнели, в них появился синеватый блеск легированной стали.

– Да, – согласился я очень серьезно, – надо что-то придумывать круче!

– Что?

– Не знаю, – признался я. – Выйти на сцену в парандже?

Она сказала сердито:

– Сам знаешь, это дорога с односторонним движением.

– Представляю, что на финише, – сказал я дипломатично.

Ее кулачок больно ткнул меня в бок.

– Не распускай фантазию, не распускай!

В дверном проеме появилась Василиса, роскошная и раскрасневшаяся, двести кило нежной розовой плоти, что колышется от малейшего движения, весело постучала ложкой по косяку. Гости встрепнулись, женщины деловито начали перегонять мужчин из этой комнаты в ту, где стол. Нас с Лариской рассадили по разные стороны стола, неча тут разбиваться на пары. Возле нее с двух сторон поспешили занять места однокашники Люши, никак не запомню их имена, у меня с этим туго, зато рядом со мной села Татьяна и сразу начала хихикать, задевать то локтем, то грудью, поглядывать обещающе: среди собравшихся я единственный неженатик.

– Славик, – обратилась ко мне сияющая Василиса, – передай мне, пожалуйста, оливье. Спасибо! А ты почему так мало себе положил?.. Танечка, милая, положи Славику побольше грибочков. Он еще не знает, что ты сама их готовила!

Я с вымученной улыбкой смотрел, как полные холеные руки перегружают в мою тарелку треть грибов из общего блюда. Если от магазинного еще как-то можно увильнуть, то отказаться от «приготовленного своими руками» чуть ли не оскорбление. Надо жрать, улыбаться и благодарить, одновременно прикрывая руками тарелку от желающих «положить еще».

– Довольно, – вырвалось у меня наконец, – а то Люше не останется! А он настоящий ценитель.

– Ты тоже оценишь!

– Я не такой эстет, – пробормотал я. – Я человек простой... за столом.

Василиса засмеялась, призывно колыхая грудью, щеками и складками на боках.

– За столом мы все без выпендренов!

– Я особенно...

– Мы все такие, Славик. Навались!

– Подожду, – ответил я осторожно, – когда начнется... ну, общее...

Она удивилась:

– Да ты что? Замори червячка! Это навроде аперитива. Легкая закуска, так сказать, перед решающим боем!

Однокашники Люши уже ели, и я, глядя на них, кое-как жевал эти скользкие и отвратительные грибы, как их только и едят, щупальца какие-то, но сейчас любую гадость едят, мир совсем сдвинулся. Я старался не думать, что ем, смотрел на колыхающиеся тела Люши, на покачивающуюся плоть Василисы, на толстые валы и валики на боках Татьяны, в этой квартире только Лариска и держит форму, хотя и она далека от стандартов тощих манекенщиц.

Люша время от времени поднимался и говорил тост, все дружно вздымали бокалы и рюмки, у кого что, чокались над серединой стола, пили и снова ели, ели, ели. Хотя если вправду, то и у меня разгорелся аппетит: готовит Василиса классно, умеет раздражить так, что уже не возражаешь, когда заботливые женские руки наполняют тебе тарелку, если, конечно, еда без выпендренов.

Когда подали сладкое, я поспешно съел огромный клин торта, – кусочек, всего лишь крохотный кусочек, – запил чем-то сладким в бокале, пищевод попробовал не пропустить, но, слава богу, сдался и принял. Я поднялся, Лариска спросила одними губами:

– Пописать?

– Постою на балконе, – пояснил я. – Жарко уж очень.

Оба дружка с облегчением вздохнули, а тот, который и без того жметя к Лариске, задышал чаще. Я вышел на балкон, прохладный воздух как сухой тряпочкой провел по раскаленному лицу, капли пота тут же исчезли. Закат полыхает на полнеба, торжественно и ярко, как подсвеченный мощными прожекторами красный занавес из плюша. Плечи передернулись, почему-то подумалось про конец спектакля, но как же так, мы еще живы...

Я поспешно отвернулся, посмотрел в комнату. Люшин однокашник прижался к Лариске, его толстые губы шлепают по ее уху, втолковывает что-то, а рука уже не на талии, а ниже, много ниже. Под столом не видно, но, похоже, убедился, что Лариска трусики не носит, вон как весь вспыхнул, морда красная, сопит, а Лариска, к моему удивлению, принимает эти знаки внимания с поощряющей улыбкой, словно он режиссер или продюсер.

Ей в самом деле надо спешить, подумал я с сочувствием. Если женщины выйдут на улицы голыми, исчезнет последнее сладкое чувство нарушения запретности. Сейчас, когда все хоть как-то да прикрыты, преимущество у тех, кто умеет показать вроде бы нечаянно сиськи или тщательно подготовленные к просмотру половые губы.

На Тверском бульваре, между Литинститутом и Некрасовской, открылась фирма, где быстро организовали курсы, как женщине умело подать себя в быстро меняющихся современных условиях. Энергичные преподаватели объясняют, что внимание мужчин нужно приковывать не только, когда поднимаетесь без трусиков по лестнице или наклоняетесь, чтобы завязать кроссовки. В современной жизни для успешного продвижения по службе просто необходимо освоить двадцать четыре способа сидения в кресле... Кстати, при возможности выбора нужно садиться в самое низкое, тогда не придется даже изощряться, чтобы показывать сидящему напротив интимную прическу или красиво приподнятый лобок. А если сочтете нужным, то, меняя положение ног, можно умело демонстрировать не только губы, но и клитор – это в зависимости от значительности собеседника, степени расположенности к нему и массы других факторов, ну вы понимаете... В этом квартале, учтите, дамы, к пластической коррекции клитора прибегли на триста семьдесят процентов больше клиенток, чем в прошлом, учтите это со всей серьезностью!.. Если такие деньги вложены в пластические операции половых органов, то, как вы понимаете, эти женщины горят понятным желанием демонстрировать результаты... Спешите, спешите! Мир жесток, конкуренция усиливается.

Люша поднялся с полным фужером, я поспешно отвернулся, чтобы он не встретился со мной взглядом и не позвал за стол. Закат чуть померк, но в небе, пока еще темно-синем, ярко сверкает начищенный медяк луны. Если хорошо присмотреться, можно различить все те знаки, что и на монете. Облака уже не облака, а горы из красноватого снега, их неспешно передвигает небесный Гольфстрим, и те медленно истаивают, гордые вершины размываются и проваливаются в красновато-фиолетовые недра.

Луна наливается светом все ярче, и, когда незаметно наступила настоящая ночь, сверху полился призрачный и недобрый свет. Я сразу подумал о вурдалаках, упырях, выкапывающихся из могил покойниках, которых принято называть по-западному зомбями, а те подцепили это словечко у дикарей мамбо-юмбо, что вообще-то тоже зомби.

...возвращаюсь в марсианский городок после прогулки по окрестностям, а там на столе у руководителя лежит сообщение с Земли. Мол, руководством полетов решено признать нецелесообразность туристического бизнеса на Марсе. С сего дня и следует отменить полеты всех, кто не работает научным сотрудником.

Директор научного городка, академик Иванов, посмотрел на меня с нескрываемым злорадством.

– Ну вот и закончились ваши прогулки... Больше бездельники не ступят на Марс!

Я развел руками.

– Дело ваше. Жаль только, что сокровища Тускуба останутся не поднятыми на поверхность.

Он фыркнул, потом насторожился.

– Что за Тускуб?

– Отец Аэлиты, – сообщил я любезно.

– Какой такой Аэлиты?

– Которую драл наш бравый инженер Лосев, – пояснил я злорадно. – Он хоть никакой не академик, а только инженер, но наделал шороху побольше всяких академиков Ивановых, Петровых и даже Сидоровых.

Он наконец что-то вспомнил, судя по кислой роже, презрительно фыркнул.

– А-а, вы про эту ерунду. Никаких аэлит и тускубов не было.

– Жаль, – сказал я. – Правда, сокровища есть.

Я вытащил из кармана и бросил на стол брошку. Иванов уставился на нее с недоверием, но Петров и Сидоров, более непосредственные, наклонились, Петров вообще взял в руки, начал рассматривать.

– Это металл, – сказал он, – но ничего не весит. Или не металл вовсе... Но какая дивная роспись... гм... скифская? Атланты? Гондвана?.. Или из руин Лемурии?

Иванов фыркнул:

– Ерунда, сляпано на Земле в Люберцах. Руками китайцев.

– Сделайте анализ, – подсказал я. – Если окажется, что этой штучке пара миллионов лет...

Петров сказал бодро:

– Это мигом! У нас все готово.

Пока я снимал скафандр, он колдовал у приборов, возле него толпились молодые ученые. Наконец раздался общий вопль изумления, послышались крики, что надо проверить еще раз, это же невозможно, снова вопли, еще раз, а когда я сидел и отогревался чаем, ко мне на полусогнутых подошел сам Иванов, глаза квадратные.

– Что, – прохрипел он блеющим голосом, – что это... за...

Я мягко улыбнулся.

– Каков возраст?

– Двести миллионов лет! – прохрипел он. – Но это невозможно!

– Тогда, – предположил я мудро, – творения природы? Ну, там ветры выдули, воды источили... когда-то была вода?

Он помотал головой:

– Нет! Это не дело рук природы.

За его спиной выстроились все ученые научного городка и смотрели на меня умоляюще преданными глазами. Я неспешно допивал чай, а они терпеливо ждали. Наконец я отставил чашку и сказал утомленным голосом:

– Ну, вообще-то там этих вещей много...

Кто-то из-за спины вскрикнул жадно:

– Каких?

– Разных, – ответил я отечески. – Я ж говорю, Тускуба захоронили, а он был повелителем всего Марса. Ну, пусть имя Толстой придумал, но это явно захоронение величайшего правителя Марса или отдельной его области... настолько оно обширно. Я когда попал в эту пещеру, думал, что подземный город. А оказалось – нет, не подземный город. А целая подземная страна.

– Подземная страна? Ну да, вода на поверхности стала иссякать давно, а в пещерах сохранялась.

Другой из ученых возразил:

– Не иссякать, а уходить в пещеры! Там должны были накопиться подземные моря!

– Я о том и говорю, – сказал первый сварливо. – Это где находится?

Я зевнул.

– Да уже и не вспомню. У меня память... зрительная. А в картах я не разбираюсь.

Иванов заговорил торопливо, совсем другим голосом:

– Туда нужно организовать немедленно экспедицию! Я затребую с Земли втрое больше сотрудников и всю необходимую аппаратуру!

Я зевнул шире, потер глаза.

– Что-то в сон клонит. Набегался. Чай, скоро семьдесят стукнет. Эх, жаль, сами ни в жисть не найдете... Там так хитро замаскировано... Ладно, я пошел.

Иванов спросил в спину непонимающе, тоже мне академик:

– Куда?

Я удивился:

– Как куда? Спать. А потом отправляться на Землю. Я ж последний турист на Марсе?

Он забежал вперед, придержал дверь, глаза отчаянные, проверещал:

– Вы что? Что вы говорите? Да мы сейчас всех на ноги поднимем! Туристов будем допускать сюда, будем! И не просто допускать, а под ручки приводить!.. Дорогу им прометать будем!..

Дальше намечтывать становилось не так интересно, триумф вот он, я отвлекся и обернулся в сторону комнаты, там жарко, душно, мясно, утробный смех...

Глава 4

Лариска появилась на пороге балкона, жаркая и слегка вспотевшая, глаза блестят, прижалась теплым боком и шепнула тихонько:

– Кто этот Демьян Константинович, не знаешь?

– Я их не различаю, – ответил я.

– Который сидел со мной рядом!

– А, этот Люшин однокашник... Если не ошибаюсь, работает в металлургии. Люша говорил про «Никель-проект».

– И мне Танюша сказала, – шепнула она жарко. – Тогда это то, что мне полезно. Милый, ты не будешь против, если я уйду после вечеринки с ним? А на тебя Таня глаз положила!.. Да и Наташка к тебе неровно дышит, только кивни.

Я двинул плечами.

– Ладно, давай.

– Спасибо, милый.

– Хотя металлургия не слишком ли от тебя далеко?

Она хихикнула:

– Все остришь!

– В смысле, не далеко от твоей творческой работы?

– Его компания оказывает нам спонсорскую поддержку, – шепнула она. – Или что-то инвестирует, я слушала невнимательно, дура.

– Именно в вашу фирму?

– Нет, вообще.

– И ты хочешь его приспособить...

– Ты угадал, милый. Он может влиять на дела нашей студии, если я поняла правильно!

– Тогда давай, – согласился я, хотя и без моего разрешения Лариска бы действовала именно так, как нужно карьере, железная девушка. – Завтра позвони, расскажешь...

Она исчезла, я видел, как ушмыгнула в сторону не то кухни, не то ванной. Этот Люшин Демьян тут же двинулся за ней, я снова повернулся и, навалившись грудью на перила, всматривался в звездное небо. Лунная ночь дивно ясная, «видно, хоть иголки собирай», как в украинской песне, но там «ночь зоряна», а сейчас звезд на диво мало, однако небо светлое, словно хрустальный небосвод снизу подсвечивают сильным, но рассеянным светом. И все-таки дышится легче, хотя понимаю, что это обман чувств, такое ничтожное изменение состава углекислоты чувства человеческие не уловят.

Наверное, я не из этого века, мелькнула мысль. Родиться бы в Средневековье, где мечи и аскетизм, где думали не о том, как нажраться, а о чести, славе, крестовых походах за мечтой... Тогда и в небо всматривались чаще. Хотя бы для того, чтобы свериться с дорогой. Люди были романтичнее и мечтательнее.

Вообще-то у меня обычно несколько тем для грез. Одни уходят, иногда выработанные до конца, другие на середине, к третьим просто теряю интерес, потому что натываюсь на более яркие и интересные.

Есть грезы, так сказать, на злобу дня. Это если меня обидели или чем-то задели. Тогда я в ярких сценах тут же расправляюсь с обидчиком – едко издеваюсь над ним, осмеиваю, прилюдно втапываю в грязь, избиваю, а если уж совсем сволочь, то и калечу. Другие грезы из разряда долгосрочных и сложных, их разрабатываю по многу дней. Иногда откладываю в сторону ради более яркой идеи, но полностью не забрасываю.

К долгосрочным относятся такие, как «я в далеком прошлом»: пещерном веке, Древнем Египте, Римской империи, средневековой Европе, России во все периоды, в том числе и в

современности. В современности, правда, мало, здесь мне приходится наделять себя дополнительной силой и боевыми искусствами, в то время как в прошлом я и так хорош и на голову выше всех как в буквальном, так и в любом. Знаю и умею больше всех мудрецов, военачальников и заранее могу предсказать результат любой войны или даже битвы. И дерусь, понятно, так, что в одиночку могу разбросать десяток лучших воинов.

Я задумался, как мне показалось, на минутку, в комнате гремит музыка, вдруг на мое плечо легла холодная, как у лягушки, женская ладонь. Я скосил глаза, пальцы с длинными изящными ногтями, маникюр разрисован цветными точками. Голос Лариски шепнул прямо в ухо:

– Размечтался?

– О чем? – спросил я настороженно. Надувную куклу нести через весь город не стыдно, этим только подчеркиваешь свою потенцию, а вот признаться, что мечтаешь, словно ребенок, это как-то не совсем. – Так, задумался.

– О Наташке, что будет тебя убаживать всю ночь?..

– Ты вроде говорила о Тане... – пробормотал я.

– Ах, предпочитаешь Тюнюшку?

– Да мне вообще-то все равно, – сказал я честно. – А что?

– Пролет, милый. Сегодня пойдешь со мной.

– А что с демьяновой ухой? – поинтересовался я, поворачиваясь.

Она с загадочной улыбкой опустила ресницы. Лицо довольное, словно у лисы, сцапавшей молодую жирную курочку.

– Все в порядке, милый.

– Договорились на другой день?

– Да, собственно, контакт я уже наладила. На кухне, пока тут пировали, а ты смотрел на звезды, отсосала ему довольно удачно... как мне показалось. Он сказал, что хотел бы еще засадить мне в анус, но уже не успеет...

Я буркнул:

– Вечер вроде бы только начался.

– Он скоро уйдет: дела, дела... В смысле, жена его контролирует плотно. Но взял номер моего мобильного!

– Поздравляю, – сказал я. – Времени зря не теряешь.

– Милый, жизнь все убыстряется! Надо спешить, иначе тебя саму поспешат.

Она чмокнула меня в щеку, к нам приближается Константин, по выражению его лица я понял, что успел что-то увидеть на кухне, глазки масляные. Увы, работает в мелкой кондитерской фирме, для Лариски интереса не представляет, она прижалась ко мне и промурлыкала:

– Милый, пойдём за стол... Что-то у меня аппетит разыгрался. Не должен был, а разыгрался!

В комнате, поднимая большую пузатую рюмку с водкой, Люша провозгласил бесшабашно:

– Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким умрет!

Все тоже закричали весело и лихо, чокались краями бокалов, рюмок, фужеров, все отважные и дерзкие, которым жизнь не дорога и на все наплевать, вот такие мы крутые, за жисть не цепляемся, а смерть презираем.

Уже за полночь, когда собрались домой, Люша вышел проводить до лифта, еще больше растолстевший, красный и распаренный.

– Слава, – спросил он дружески, – ты в самом деле еще не придумал?

– Что? – не понял я.

Он хохотнул:

– Чудак, да мы весь вечер это обсуждали! Куда поедешь отдыхать?

Я прижал пальцем кнопку вызова. За дверьми лифта устало вздохнуло, из глубины начало подниматься, словно из морских глубин, некое большое и неторопливое чудовище.

– Нет, – ответил я. – Не придумал.

– Но все-таки, – спросил он настойчиво, – хоть выбрал направление? С прошлого сезона растет доля тех, кто приловчился отдыхать в европах. Ну там в Испании, на юге Франции... Хотя цены кусаются, конечно. И уровень обслуживания в какой-то Турции ничуть не ниже, уже научились. Но все-таки турки есть турки, как Восток есть Восток, старик Гумилев был прав...

– Киплинг, – сказал я.

– Что?

– Киплинг это сказал, говорю.

– А Гумилев что тогда сказал?

– Не помню, что-то про бунт на корабле... и брабантские манжеты.

Он отмахнулся, улыбнулся Лариске.

– Да какая разница, оба евреи. Словом, турки – это турки, теперь это понимаем. Не Европа, хоть и вот-вот вломятся в Общий рынок.

– Нет, – ответил я, – не тянет.

– В Испанию?

– И в Турцию тоже, – объяснил я. – Как и в Грецию.

– Тогда в Египет? Ты ж даже в Египте не был!.. А там уже все наши побывали. А кто и по два-три раза. Как это, в Египте не побывать? Это даже как-то не совсем правильно.

Он смотрел с такой укоризной, словно хожу по людной улице с расстегнутой ширинкой.

Я не все, шевелился ответ, но я задавил свое «я»: шутливо не скажешь, а всерьез – обидится. Вместо этого с огорченным видом, так надо, развел руками:

– Как-нибудь на досуге подумаю.

За дверьми лифта хрюкнуло, звякнуло, вздохнуло с великим облегчением, мол, доползло как-то, двери раздвинулись. Я впихнул Лариску, шагнул следом, но Люша придержал дверцу, подставив ногу.

– Что значит, – сказал он недовольно, – на досуге? Об этом все время думать надо! Пока не выберешь самое то. Я вот с Нового года начинаю готовиться и выбирать, куда поеду летом на отдых!

Ага, мелькнула непрошенная мысль, а потом полгода рассказываешь, где отдыхал, отдыхал, отдыхал... До Нового года. А с Нового года снова начинаешь...

Пахнуло резким холодом, я не понял, что так проняло, словно огромный вампир неслышно пролетел в тесном лифте над самой головой, слегка пошевелив волосы.

Мы обменялись рукопожатием, но Люша, не довольствуясь, обнял, я чуть не задохнулся в его теле, а он, освободив меня, сказал наставительно:

– Начинай думать! Начинай. Потом скажешь, что надумал. Пока, Лариска!

Я поймал такси, в машине поспорили, к кому ехать, но выиграла Лариска, пришлось назвать таксисту ее адрес. На заднем сиденье всегда почему-то в голову лезут простые мысли, я шупал Лариску за вымя и дергал за нижние губы, она хихикала и кусала меня за ухо, сразу же расстегнув молнию на джинсах и запустив туда ладонь.

Таксист помалкивал, но я ловил в зеркальце его заинтересованный взгляд. Когда подъехали к дому, мне пришлось выйти, горбясь, Лариска ехидно хихикала. Я посмотрел на ее стройную фигуру с четко обозначенными половыми признаками.

– А у тебя вроде бы сиськи стали крупнее...

– Значит, это ты тискал так, бесстыжий!

– Нет, правда. Ты не имплантировала ничего такого?

– Только щас заметил?

– Ага, – признался я, – в этом свете они особенно... внушительные.

Она порозовела от удовольствия.

– Нет, пока никаких имплантантов!.. Имплантированную нельзя сразу тискать, а потом еще надо два месяца особое белье носить... Как мне при такой жизни? Пользуюсь особым гелем. Жжет, зараза, зато все так разбухает, что сама вижу разницу. Сразу на размер увеличилась, здорово! А если гелем пользоваться с месяц, то и на два получится.

– А если год?

Она грустно вздохнула.

– Онкология будет. И так балансируем на грани... Чего только не делаем для вас, кабанов бесстыжих!

Я сказал примирительно:

– Да, в такие сиськи Амур не промахнется. Все мужчины будут твои... Как там в автобусе: «Женщина, уберите локти с моих плеч!» – «Это не локти, это – груди». – «Тогда оставьте».

Она хихикнула, довольная, что я подтвердил бесполезность ее усилий.

– Грудь стала больше, – сказала она, – жить стало веселее, как говорят малолетки.

– Всем веселее, – согласился я, – и тем, у кого они есть, и тем, кто жадно шупает.

Мы вошли в подъезд, в лифте Лариска покрутилась перед зеркалом, я нажал кнопку и заговорил одобряюще:

– Честно-честно, сиськи стали еще заметнее. И дойки торчат, как крупнокалиберные пули.

Лариска сказала убежденно:

– Грудь – это лицо женщины! Вы же сами говорите, что не бывает некрасивых девушек, бывают маленькие груди! Вот мы и стараемся, первое – увеличить ее, второе – показать... зря старались, что ли?

Входя в квартиру, она сбрасывала на ходу одежду и туфли, в комнатах у нее артистический бедлам, у меня в сравнении с этим – аптека Госуправления, на пороге спальни оглянулась.

– Я сразу спать. Мне завтра нужно быть свеженькой.

– Тогда я быстро, – сказал я.

– Очень быстро, – предупредила Лариска. – Я тебе помогу.

Под утро приснился Марс. Или не приснился, но когда я начал выныривать из сна, вдруг ощутил, что иду по красновато-охряному песку, под ногами похрустывает, в теле необыкновенная легкость, что значит – я не местный, иду по планете, где тяготение слабее, чем на моей...

Небо темно-фиолетовое, сквозь него слабо проступают наряду с гаснущими звездами книжные полки вдоль стены и календарь. Ощущение странное, дивное и восхитительное. Люблю такие сны, а то обычно полеты над крышами домов, а потом резкое пикирование на замеченных баб и стремление успеть трахнуть до того, как сладкое томление испачкает простыню.

И хотя сны вроде бы всего лишь причудливое преломление дневных событий, но некоторые сны никак не объяснить с рациональной точки зрения. Ладно, летаю потому, что видел в кино, как летают вертолеты, хотя такие сны начали сниться с раннего детства, когда таких фильмов не видел, но как объяснить, что часто вижу себя на других планетах?

Да, есть так называемые космические фильмы, но просмотром брезгаю, слишком фанерно и топорно. Раздражение вызывают даже не ляпы, а полнейшее несоответствие тому, что будет. Уже сейчас по всему миру близорукость убирают хирургическим путем, а завтра будет убрана генетическим вмешательством, как и прочие недостатки, но когда смотришь фильм о будущем эдак лет на тысячу вперед, а то и на десять тысяч, режиссеры размахом не стесняются, то видишь людей даже прошлой по сравнению с нашей эпохи со всеми их «достоинствами» и дуростью....

Так что же это... Сердце колотится взволнованно, так и хочется признать себя либо потомком инопланетянина, потерпевшего крушение, либо потерявшим память путешественником во времени года эдак из четырехтысячного... который, понятно, пока что должен ходить в соответствующей эпохе личине. Это я чтобы оправдать свою не самую лучшую в мире фигуру и все прочее, что во мне не супер-пупер.

Я осторожно повернул голову, чувствуя, что не у себя дома, ага, Ларискина спальня. Не так уж я и надрался вчера, все помню. Я здесь, в этой реальности. Странно, что такой необычно возвышенный сон приснился, когда я в такой обычной ситуации да еще с эрекцией.

В спальню через плотно закрытую дверь доносится негромкая музыка. Я поднялся, продирая глаза и отчаянно зевая. Открыл дверь, проигрыватель как раз запел голосом Лариски. Она, уже одетая, будто для концерта, пританцовывает посреди комнаты, сосредоточенная, как перед прыжком с вышки.

– Привет, – сказал я.

Она подняла голову, улыбнулась, свеженькая и чистенькая, еще без косметики.

– Хорошо спалось?.. Милый, я сейчас репетирую... Посиди пока, не отвлекай, хорошо?

– Хорошо, – пообещал я. – На тебя всегда приятно смотреть.

– Правда?

– Правда, правда, – заверил я без всякой фальши, на Лариску в самом деле смотреть одно удовольствие. – Меня нет, не обращай внимания. Да и умыться, наверное, можно для разнообразия.

Лариска благодарно улыбнулась, мне показалось, что держится несколько скованно, начала ритмично танцевать, иногда раскрывала рот и делала вид, что поет, это называется «гнать фанеру», то есть петь под фонограмму, но Лариска, как я понял, сосредоточилась не на песне: танцует, все больше и больше подпрыгивая, вихляясь всем корпусом, оттопыривая зад и делая движения, которые можно интерпретировать только в одном смысле, очень прямом и ясном, это называется «заводить»...

Все время оглядываясь, я задержался на пороге ванной: пышная грудь начала приподниматься из низкого выреза платья, как пропустить такое, я пусть и дурак, но не настолько. Как замороженный, уставился на эти белоснежные полушария, что растут и растут, растут и растут. Наконец, как восходящее утреннее солнышко по ранней заре, блеснул кончик красного... начал увеличиваться...

Другая грудь отстала лишь на пару сантиметров, там тоже начался восход алого солнца, а первая в это время дошла до середины и... что-то застопорилось, видно, твердеющим от возбуждения кончиком в самом деле зацепилась за шнуровку.

Уже обе застряли на злополучном месте, я поймал себя на том, что задержал дыхание. Стоит Лариске сделать глубокий выдох, и соски либо преодолют барьер, либо грудь опустится, что вернее, скроется, оставив для обозрения более скромные участки.

Лариска бросила взгляд на мое воспламенившееся лицо. Движения стали порывистыми, неистовыми, словно и она вошла в экстаз и ничего не видит и не слышит, кроме своей песни и музыки, что звучит у нее в душе... И в этот момент обе груди освобожденно выпрыгнули и легли поверх платья. Светло-коричневые круги сосков явственно заалели, а ниппели, которые у Лариски вообще-то редко сами приподнимаются, встали столбиками и на глазах распухли, налились алым цветом.

Она «допела» последнюю фразу, с блаженной улыбкой победительницы поклонилась и тут «заметила» непокорные сиськи. Ахнула, торопливо упрятала на место и, закрыв ладонями пылающее стыдом лицо, умчалась на кухню, что сейчас имитирует кулисы.

Через минуту выглянула и спросила трепещуще:

– Ну как?

– Круто, – признал я.

Она завизжала счастливо и бросилась мне на шею. Я отступал, пока под колени не ударились края унитаза. Она села на меня, раздвинув ноги, отдувалась, я чувствовал, как стучит ее сердце, и видел испарину на лбу.

– Получилось! – прошептала она счастливо. – Получилось!.. Теперь только не забыть, какие мышцы задействовала... Вроде бы вот эти... и эти...

Сидя на мне, она начала двигать руками и плечами. Я чувствовал, как напрягается ее тело, даже бедра, груди в самом деле начали подниматься, подниматься, наконец добрались до самого верха, но через край прыгать отказывались.

– Прекрасно! – завизжала она. – В этот момент я подпрыгиваю, сдавливаю живот и делаю вот такое движение... и мои сиськи во всей красе.

Я присмотрелся к ее костюмчику.

– Эй-эй, а мне кажется, у тебя там особый выталкивающий механизм!

Она победоносно засмеялась:

– Я всем девчонкам сказала, что у меня головастый бойфренд. Ты угадал.

– Правда? А что там?

– Умелые конструкторы в самом деле недавно создали особые модели бюстгалтеров!

– Ух ты...

– Только это эксклюзив, – предупредила она, – в продажу не пойдет...

– Пойдет, – заверил я. – Стоит только попасть в руки пиратам, сразу начнут штамповать сотнями тысяч.

Она нахмурилась, кукольное личико стало озабоченным.

– Да? Вообще-то ты прав. Пираты обязательно стырят, и начнутся подделки. Самое обидное, что эти подделки ничуть не уступают... Тогда надо спешить, пока шьют только сами изобретатели. Эти бюстгалтеры не только поддерживают грудь в красивой форме, но, как говорится в сопроводилке, при определенном сокращении мускулов вроде нечаянно выталкивают грудь вверх. К этому моменту надо сделать сосок ярко-красным, чтобы и с задних рядов было видно. Ты сам видел, разработаны специальные красители, поддерживают цвет.

– А клей особый или «Момент» какой-нибудь?

– Сам ты момент, – обиделась она. – Триста долларов за тубик! Гарантированно шесть часов держит сосок вытянутым и вздутым. А добавки красного перца придают цвет и объем.

– Это не вредно?

Она отмахнулась:

– Милый, мне нужен успех, при чем здесь здоровье? Будут у меня миллионы, найму докторов, станут следить за моим здоровьем.

Я усомнился:

– А не поздно будет?

– Не поздно, – заверила она. – Если много денег, все лечат. Даже рак любой степени убирают, только это очень дорого, но топ-звездам по карману. Так что не трусь, один раз живем, не так ли?

– Так, – подтвердил я, – конечно, так...

– А если один раз, то и взять нужно все, согласен?

– Ну да...

Она сбросила наконец артистический костюмчик, крупная грудь слегка отвисла под собственной тяжестью. Я ожидал, что осчастливленная Лариска возжелает на радостях коитуса, но она спорхнула с моих колен и красиво встала под душ. Грудь без имплантатов, да, хотя, если честно, для нас, мужчин, какая разница?

– Трудись, трудись, – крикнула она из-под серебряной струи дождика. – Набирай больше воздуха и дуйся, дуйся!..

– Добрая ты душа, – буркнул я.

– Только глазки береги! А то лопнут.

Глава 5

Потом я чистил зубы, бриться необязательно, а Лариска спешно приготовила яичницу с ветчиной и кофе. Мы одновременно впрыгнули в лифт, оба опаздываем, выскочили из дома, провожаемые равнодушным взглядом консьержки.

А совсем недавно, мелькнула мысль, я чувствовал бы себя героем. Нарушителем устоев! Но сейчас никому нет дела, с кем спишь. Даже мужья уже не ревнуют жен. Ревновали, когда те сидели дома, а вот так, когда жена уходит на службу и там исчезает до вечера, ревнуй – не ревнуй, ничего не изменишь.

Если понятие греха исчезнет, сказала во мне что-то невеселое, жизнь абсолютного большинства населения потеряет большую часть радости. Вся средневековая литература только на том и построена, что отважный любовник преодолевает массу препятствий, подвергается страшным опасностям, а все только для того, чтобы тайком встретиться с замужней дамой и успеть подержать ее за сиськи. Ну а если удастся совокупиться – так это вообще отпад, верх всего на свете!.. Прям неземное счастье, достойно воспевания в литературе, в музыке, операх и запечатлевания на полотнах. А если обманутый муж узнавал о таком позоре, то обязательно находил и убивал оскорбителя, и это было нормой. А чаще убивал обоих. Иногда потом убивался и сам.

Но теперь замужние сами идут в бар и снимают понравившихся мужчин. И что? Да ничего, все серо и обыденно. Радость траханья чужих жен обнулилась.

– Такси! – закричала Лариска.

Одна из машин, припаркованных у бровки, сорвалась и ринулась к нам. Я открыл дверцу перед Лариской.

– Гони на Большую Садовую! – сказал водителю. – Опаздываем.

Лариска деловито опустила лямки сарафана и подновляла соски затвердевающим пурпуром. Я перехватил взгляд водителя, Лариска тоже заметила, что наблюдает за ее манипуляциями, но не обращала внимания. Как время летит, подумал я ошарашенно. Не мое, конечно, а вообще. В Средние века женщина не смела выйти на улицу или даже дома не могла показаться перед гостями с непокрытой головой. Волосы должны быть всегда закрытыми! Потом пошла мода закрывать их париками, строить сложнейшие прически, ибо когда прическа – то волосы как бы тоже одеты, а вот если их распустить, то... сразу – распущенная женщина!

При взгляде на длинные волосы всегда чувствуешь приятное щекотание в гениталиях. Женщина с непокрытыми волосами воспринималась как голая, что в какой-то мере понятно, ибо сразу вспыхивает эротическое влечение, выражаясь вычурным языком вчерашней культуры.

Стильные девочки с короткими или ультракороткими стрижками выглядят красиво на обложках журналов, красиво даже на вкладках и постерах, иногда даже в реале, но это та же красота, что разглядывать картины Пикассо или Дали. Вроде изысканно, с первого взгляда видно, что постарались, много денег и усилий вложили, но это красота заснеженной елки в новогоднем лесу. Красиво, но трахать елку не приходит в голову.

И конечно, платье тоже должно было волочиться по полу, ибо показать даже лодыжку – верх безнравственности и порочности. А потом платье все укорачивалось и укорачивалось, укорачивалось и укорачивалось... Для того, понятно, чтобы показывать еще на сантиметр больше ранее не показываемой кожи задней конечности. Потом еще, потом еще...

Сейчас платья укоротились до предела в буквальном смысле. Укоротить еще – тогда зачем они вообще? Платье – для того, чтобы прикрывать срамные места. Но убрать сантиметр – и все будет экспонировано. Или платье станет чем-то вроде галстука, который тоже непонятно зачем?

А сейчас, с такой длиной платья, весь смак в том, что срамные места вроде бы и прикрыты, но стоит женщине наклониться... а наклониться всегда есть повод: хоть в магазине удобнее уложить товары в корзине, хоть на улице, заметив понравившегося парня, остановиться перед ним и наклониться, поправляя обувь.

Разумеется, никто не рискнет продемонстрировать плохо вытертую жопу и вялые половые губы, потому спрос на подкачивание геля возрос многократно. Лариска права, женщинам нужно спешить, пока волна спроса, вернее, интереса, не ушла.

Машина остановилась у тротуара, я сунул водителю приготовленные деньги, выскочили с Лариской, довольные, что не опоздали.

Наш медиацентр быстро наращивает мускулы, за последние три года дважды менял место. Всякий раз хозяева выбирали суперсовременное здание, казалось, целиком из стекла и металла. Стены, разделенные на широкие квадраты, выглядят затемненными окнами бандитского бээмвэ, к которому гаишники стараются не приближаться, а омоновцы подходят, держа автоматы на изготовку.

Сегодня день на работе прошел сумбурно и безалаберно. Обычно Коновалов, наш шеф, сам приносил заказы, а сегодня прислал олухов, что не могли связать два слова, только упорно твердили, что им нужны компьютерные спецэффекты, а какие и для чего, что именно нужно подчеркнуть, что выделить – мычали и снова важно говорили, что эффекты должны быть крутыми.

Я подобрал кое-что из готового, скомпоновал, ушли довольные, оплатили щедро, но остался нехороший осадок. Ну не нравится мне обслуживать высоким искусством компьютерной графики извозчиков и домохозяек.

...и когда я красиво и героически погибну, она увидит, насколько ошибалась в моей преданной любви и верности! И упадет на мой еще теплый труп и зарыдает, но, увы, не вернуть, я лежу весь изрубленный, кровь струится из многочисленных ран, смертная пелена застилает взор, последний вздох срывается с моих уст, а принцесса вскрикивает в горе:

– Клянусь, что буду хранить тебе верность вовеки! И никто и никогда не прикоснется к моему телу!.. Только ты, единственный... О, горе мне, как я была не права...

Я вздохнул, в глазах защипало, очень трогательно и трагично, я молодец, хотя... хрень какая, не хочу быть дохлым, это ж ничего не увижу, но все равно намечтал красиво, есть во мне что-то возвышенное, не совсем я говно, каким иногда себе кажусь, я просто недостаточно крут...

За соседним столом на полном серьезе обсуждают, случайно или не случайно у Софи Марсо, когда шла по красной ковровой дорожке Каннского кинофестиваля, обнажилась грудь. Я подумал вяло, что какая, на фиг, случайность, если у нее на каждом выходе на публику обнажается это место, а также когда выходит из дому к автомобилю, заходит в любое кафе или ресторан, вообще – появляется на людях. Этими снимками пестрит весь Инет, и если кто верит, что вот у «Софи Марсо случайно обнажилась грудь», этот лох никогда вообще не заходит в Инет. Потому что эти снимки даже на сайтах, где Путин дает интервью, где Греф рассуждает об экономике, а Иванов протестует против продвижения НАТО к нашим границам. И на спортивных, конечно. Сама же стареющая Софи Марсо и рассылает их всюду.

Платья звезд на липучках и особых хитрых завязках. Достаточно чуть шевельнуть плечом, как соскочит заказанная лямка, обнажая грудь, откроется шов на заднице, а то и вовсе платье соскользнет целиком, теперь практикуется и такой экстрим.

Папарацци издали определяют секреты этих платьев, а также где, на какой ступеньке соскользнет лямка, разойдется платье в момент торжественного прохода по дорожке славы или упадет к ногам ах-ах смутившейся звезды. Эта та игра, в которой обе стороны играют по четким правилам.

А ведь у меня продвинутый народ, мелькнула едкая мысль. Программисты. Но и они отстают. Просто не приходит в голову набрать в яндексе «случайное обнажение» и получить сорок тысяч сайтов, где у знаменитостей то лямка платья соскользнет перед фотокамерами, обнажая подготовленные к осмотру сиськи, то подол задерется, демонстрируя раздутые половые губы... Многовато для случайностей! А девчонки, собираясь на дискотеку или просто на прогулку по людной улице, уже договариваются, кто с кого по очереди будет сдергивать маечку, показывая ребятам сиськи... Мол, самой все еще неловко, если не пьяная, а вот когда подруга шалит, другое дело.

– Если знаешь о жизни все, – донесся глубокомысленный голос одного умника, – значит, ты уже умер.

– Ха-ха, – ответил второй весело. – Вообще-то в игре со смертью я согласен на ничью...

Остряки, подумал я хмуро. Играют словами, а смысла-то нет. И все ждут, когда рабочий день закончится, чтобы за пиво и по бабам. Ерунда какая! Сто лет назад это было круто, каждую бабу приходилось брать с боем, такими победами гордились, а теперь что за интерес?..

День прошел серо и незаметно, как и остальные. И вечер. На автомате я добрался домой, поужинал, перед сном чуточку поиграл в он-лайновую байму года, а также всех времен и народов – «Троецарствие», но слишком уж, да, слишком, после такой ночь не уснешь, поскорее вышел и побаймил в Red Light Center, там сбросил гормональные излишки и завалился спать.

Сквозь сон ощутил зов, но что это именно зов, сообразил потом, когда с бешено колотящимся сердцем пытался разобраться, что же со мной произошло, а тогда лишь чувствовал сильнейшее томление и странную тоску, словно в двух шагах от незримой двери, за которой н а с т о я щ и й мир, но не могу сдвинуться.

Дрожащей рукой вытер холодный пот с горячего лба, дыхание учащенное, будто бежал не только во сне. Еще когда только заснул, во мне уже толклись звезды и галактики, проплывали туманности, а пространство свертывалось восьмимерными струнами.

Оказывается, как прочел перед сном, Большой взрыв, который создал Вселенную, всего лишь крохотный пузырек в бурно кипящем космосе. В этой мегавселенной какие-то пузырьки помирают, какие-то рождаются, и в каждом из них свои физические законы и свои пространственно-временные параметры.

Пузырьки-вселенные существуют только мгновения, если по их меркам жизни. Страшно подумать, сколько же существует сама мегавселенная, ведь пятнадцать миллиардов лет только нашему пузырьку, в котором сто миллиардов галактик в видимой нам части, но я стараюсь представить, наслаждаюсь муками разума, пытающегося объять такое, трепещу и ужасаюсь... это настоящий адреналин, а не банальный секс на эскалаторе!

Но о таком надо помалкивать, я и так иногда выгляжу полным придурком, потому что знаю и умею больше, а надо «как все», чтобы вписываться в любую тусовку и любую компашку.

От компа донесся сигнал: пришла аська, потом запикало чаще. Я поморщился: достали эти любители потрахаться. Сейчас даже женщины пишут в графе: пол «мужск», чтобы отстали, но не учли, что и любительниц потрахаться по Инету становится все больше. Женщины отстают от мужчин в таких вопросах, но... ненамного.

Я пошел к компу, из динамика донесся тихий женский смехок:

– Опасно забывать отключать на ночь веб-камеру.

С экрана на меня смотрит миловидное женское лицо, уже немолодая, глаза усталые, губы растянуты в нерешительной улыбке. Я спросил тупо:

– Включена? Черт, я ж выключал!.. Вроде бы...

Пока я старался вспомнить, не слишком ли глупо я выглядел, когда чесал в паху и бродил сонный по комнате, женщина сказала мягко:

– У вас восьмая версия? В ней баг, из-за него веб-камера иногда срабатывает сама по себе... Меня зовут Мария. У нас уже ночь... такая жаркая и душная, я все не могу заснуть. Слишком ночь жаркая...

Она сделала рассчитанную паузу, я сказал поспешно:

– Да-да, так бывает. Я могу помочь?

– Да, – ответила она просто.

Я вытащил из ящика стола В-4, то есть вагину, модель четвертая, краем глаза видел на экране, как женщина, двигаясь со мной синхронно, вынула фаллоимитатор довольно уставшей конструкции, но для людей с воображением даже он не всегда необходим. В отличие от меня, сразу приспособившего В-4 на нужное место, она держала фаллоимитатор в руках, женщинам нужно больше времени для разогрева, даже если не могут заснуть и уже частично готовы.

Мои пальцы тронули кнопку включения, начнем с самого слабого нагрева, и чтоб эта штука в ее ладони чуть-чуть подрагивала, ага, начала с hand job, глаза заблестели, на щеках появляется румянец, затем перешла тут же к blow-job, правильно, бережет мое время, я ж отрываю для нее несколько минут от завтрака, а спустя пару минут быстро вставила блестящий от слюны фаллоимитатор в нужное место, все это время не отводя от меня напряженного взгляда.

К этому времени я добавил твердости, чуть раздул в объеме и на целых два градуса повысил температуру. Манипулирует женщина им сама, я только играю на пиктограммах, добавляя и сбавляя вибрацию, усиливая пульсацию, чтобы в унисон с тем, что шепчет женщина, что она ждет и хочет...

Наконец она напряглась, тело выгнулось дугой, я резко добавил еще градус по Цельсию, одновременно расширил в объеме на пять миллиметров и погнал предельную пульсацию от корня к концу. Женщина вскрикнула, лицо ее исказилось. Она часто-часто задышала, рот раскрылся. Я услышал какие-то слова, но она уже медленно затихала, успокаивалась.

Через полминуты веки поднялись, взгляд еще затуманенный, на лице медленно проступает смущение.

– Извини, – произнесла она тихо. – Просто так получилось, что никого из близких под рукой... Австралия, знаешь ли... Теперь засну без проблем!

– Спокойной ночи, – сказал я тепло.

– И тебе...

Мне почудилось, что она едва не сказала «сын»», но в компе щелкнуло, и экран померк, хотя сама веб-камера не отключилась. Я бросился на кухню, двенадцать минут отрезал от завтрака, чудовищно много подарил совершенно незнакомому человеку. И хорошо бы сам тоже, но я вот такой альтруист, позаботился, чтобы женщина на другой стороне планеты получила половое удовольствие и заснула, удовлетворенная, а теперь полуголодным побегу на работу с бутербродом в руке, оставив горячий кофе на столе...

Прогресс, мелькнула мысль, все ускоряется, ускоряется, ускоряется. Мы входим в режим, в котором перестают действовать обычные человеческие законы, что складывались веками, тысячелетиями. Рушится, с грохотом рушится весь моральный свод человеческой морали.

Да, мы еще вспоминаем библейские заповеди, но на практике нарушаем их все. Гомосексуальные браки, сексуальная модель поведения: за измену уже не убивают и даже морду не бьют...

Грузовой лифт полз, останавливаясь чуть ли не на каждом этаже и собирая по дороге собачников, домохозяек с сумками, пенсионеров. Совсем убило, когда на втором этаже ввалились трое крепких парней, уместились кое-как в уже тесной кабине и проехали целый пролет, страшась переутомиться на лестнице.

Сейчас, стучала мысль, пока я бежал к остановке, входим в неуправляемую цепную реакцию. Абсолютное большинство этого вообще не видит, а те, кто видит, бессильны повлиять. Да и не хотят, потому что именно они воспользуются плодами в первую очередь. Неуправляемая потому уже, что каждый шаг жестко задан предыдущим: мы уже не можем отказаться, скажем, от автомобилей, а для них нужно строить новые широкие автострады, а для строительства понадобятся более вместительные грузовики...

Автобус открыл двери, а передо мной словно распахнулся холодный черный космос. Завис в нем, сердце сжалось, а потом застучало быстро-быстро. Все-таки наступающее будущее страшно тем, что впервые даже самые продвинутые умы не могут сказать, что же будет там, в будущем!

Абсолютно все будет великой неожиданностью. Все ускоряющаяся лавина открытий, которую не будем успевать ни осмыслить, ни использовать вот так с ходу.

Интеллектуальный взрыв уже привел к технологическому расслоению: старшее поколение боится компьютеров, не умеет настраивать современные бытовые приборы, в супернавороченных мобильниках пользуется только функцией простого телефона, и даже когда нечаянно нажмет не ту кнопку на телевизионном пульте, то в отчаянии звонит сыну или дочери. А еще лучше – внуку: приезжай, спаси, настрой заново эту проклятую штуку, ну зачем эти сто кнопок, да в каждой еще подменю на сто пунктов, а в тех еще сотни своих настроек... Как хорошо было, когда только две программы, а чтобы переключить с одной на другую – никаких пультиков, а просто поворачиваешь верньер на самом ящике. Чаще всего – плоскогубцами. К счастью, я выезжаю на работу, когда час пик позади, но все равно раздражает обилие машин на дорогах, из-за них ползут, а то и стоят в пробках и автобусы. Мечта простого человека «получаю тыщу баксов и ничо не делаю!» станет реальностью для всех задолго до наступления столетнего века. Уже сейчас автоматизируются не только разливка стали, но и задачи высокого левела. Настоящая производительная работа остается у все более сужающейся группы. Остальное же население, которое якобы работает, перекладывает из пустого в порожнее, обслуживает друг друга, заноса один другому хвосты на поворотах.

Я вбежал в офис, всем сказал бодро «драсьте». Техники ответили кто весело, кто хмуро, кто просто отмахнулся, у нас демократия. Все перед экранами работают с программами, только Грег, мой заместитель, развалился в рабочем кресле, перед ним девочка из подтанцовщиц уже расстегнула ему брюки и работает над пенисом, сладострастно похрюкивая и демонстрируя возможности глубокой глотки.

– Все-все, – сказал он поспешно, перехватив мой взгляд, – заканчиваем! А работу я сделал.

– Сейчас другую получишь, – буркнул я.

Мой комп поймал мои биохарактеристики, включился, еще раз перепроверил, да, перед ним хозяин, и развернул работу на том месте, где я ее оставил.

– Шеф, – спросил Грег, – будем закупать лицензионное?

– А что, ждем визита иностранцев?

– Нет, – ответил он поспешно, – но сейчас усиливается борьба с пиратством...

– Если финансы позволяют, – ответил я, – то лучше лицензионное. Что говорит бухгалтерия?

– Отвечают, что начинаем выходить на международный уровень. В смысле, со следующего года попытаемся. Так что надо быть готовыми ко всему...

– Закупай, – разрешил я. – Будем как люди.

– Как белые люди, – уточнил он с понимающей улыбкой.

– Да-да, – согласился я. – Как белые.

Он поднялся и застегнул штаны, встрепал прическу подтанцовщице, она отмахнулась и выжидающе посмотрела на меня, я отрицательно покачал головой. Странное какое-то чув-

ство... Вижу неправильность этого мира, вернее – чувствую, но не могу ни определить эту неправильность, ни даже сказать, в чем она. Разве что тянущее чувство тревоги, как во сне убегаешь от чего-то ужасного, а оно настигает, настигает, вот-вот поглотит, а ноги ватные, передвигаешь ими, как чугунными колоннами.

Пожалуй, неправильность как раз в самом сладком. Вот мы все, все человечество, вдруг ударились в самое простейшее из удовольствий: секс. Какую газету ни открой, на какой канал ни переключи, на какой сайт ни зайди – везде секс, как универсальный ключ ко всем проблемам. Трахайтесь – и у вас все будет хорошо. Дома, на работе, на улице, на отдыхе, в тренажерном зале, в кино, вообще – везде.

Сперва это пропагандировали полуодетые сисястые девочки на молодежных каналах, потом пошли с такими выступлениями, слегка стесняясь, седоголовые академики, подвели «научную» базу. Теперь дело дошло до такого разгула, что вот-вот президент или премьер выступит с обращением к нации: трахайтесь и трахайтесь, как кролики, это лучше, чем ломать голову, как решить проблему далекого Косова или как обеспечить независимость Абхазии!

Примерно так же решили римляне в момент расцвета могущества Рима.

Кстати, когда римляне ударились в оргии, могущество их непобедимой империи резко пошло на убыль. Именно в момент расцвета разгула и повального траханья всех со всеми возникло шокирующее непонятное христианство с его демонстративным отрицанием любых утех плоти. То самое христианство, которое неожиданно для всех похоронило мир утех и разврата, деяние, которого никто в своем уме не мог даже представить!

Но то христиане, мелькнула тягостная мысль. Преданья старины глубокой. А сейчас нет такой силы, что сумела бы остановить разгул половых утех.

Нет.

Разве что асексуалы? Но они в отличие от первохристиан не воинствующие. Они просто... отстраняются с некоторой брезгливостью от этого постоянно трахающегося мира. Ну вот я самый что ни есть асексуал. Кто-то ждет настоящую любовь и не желает размениваться, у кого-то срабатывает в виде защитного клапана простое омерзение... Правда, я трахаюсь, но куда деться?

Мои пальцы привычно и почти автоматически стучали по клавише, а в черепе смятенная мысль, что каждый из нас, человек, есть поле не затихающей ни на секунду битвы между интеллектом и биологическими инстинктами. Но это так говорят, все мы любим красоты. Это опять же от инстинкта самца выглядеть перед самкой привлекательным, а женщины, как правило, красоты говорить не умеют. На самом же деле, если без красотостей, интеллект только тогда успевает вякнуть слово, когда инстинкты, насытившись, дремлют, ибо интеллект – щенок перед матерым инстинктом, у которого за плечами сотни миллионов лет боев и абсолютного доминирования. Кстати, инстинкт пока что рассматривает щенка-интеллект как забавную игрушку, что иногда помогает, но еще не как соперника. Но если вдруг в нем его увидит... страшно подумать, что может случиться!

Увы, все войны, начиная от простых актов терроризма и заканчивая мировыми, все революции, все расовые и религиозные конфликты, да вообще все-все, из-за чего деремся и ссоримся, – только потому, что мы обезьяны, научившиеся говорить, но не переставшие от этого быть обезьянами.

Глава 6

На работе задержался, вечером прошелся по вечерней улице, заглядывая на лотки: вдруг да мелькнет что-то по моей тематике, все равно иду мимо длинной цепи настоящего развала. В глаза бросилось созвездие журналов с яркими обложками: «Секс с животными», «Зоофилия – это норма», «Свинг спасает семьи», «Новинки высокой технологии в сексе»... Последний журнал я опасливо раскрыл, так, на всякий случай, вдруг там что-то про нанотехнологии, не зря же многим старомодный секс с блеском заменила веб-камера и скейп с расширенными возможностями, но, увы, с помощью высокой печати на ста двадцати страницах размещены фото самых новейших надувных кукол: уже не просто резиновых женщин, а и самцов разного размера и с разными, а также всех цветов кожи, мол, не расисты, имеем всех и по-всякому.

Самая дорогая кукла с ярлычком «Аня Межелайтис», я присмотрелся, спросил у продавца:

– Она что, в самом деле вот такая? Почти неотличима от живой?

– Точно!

– И Аня Межелайтис не подаст в суд за такое?

Продавец посмотрел на меня, как дитя на скелет.

– Да она еще и заплатила, чтобы одну из кукол сделали похожей на нее! И доплатила, чтобы на каждую наклеили ее имя!

– Круто, – сказал я ошалело, покрутил головой. – Вроде бы не старик, а не успеваю за скачками моды...

Он отмахнулся:

– А кто успевает?

– Ну, вон Аня...

– Успеваем только на своем поле, – объяснил продавец. – Нам тут рассказывали, как обучали пользоваться диктофоном в ее же мобильнике! Тупая, с пятого раза не въехала.

Я кивнул, пошел, размышляя, что во все века Ани Межелайтис были популярнее и заметнее ученых, политиков, философов, мудрецов. Начиная с допещерных и пещерных эпох и до нынешнего времени. И сейчас новость ли, что сайт Академии наук менее популярен в Сети, чем любой из порносайтов?

И что Аня Межелайтис известнее любого нобелевского лауреата, что творец компьютера умер в бедности, а создатель порносайтов покупает дворцы и оборудует в личных суперлайнерах бассейны, а на яхтах ставит теннисные корты для себя и друзей?

Не понимаю... Даже «не понимаю!!!». С тремя восклицательными знаками. И гневной рожей смайлика, что уже и не смайлик, а гневник или яростник.

Звякнул мобильник, на экране расстроенное лицо Лариски.

– Ты дома?

– Нет, по дороге к дому.

– Я щас забегу, – пообещала она. – Что-нить взять пожевать?

– Да вроде бы на двоих хватит, – сказал я.

Она сказала с облегчением:

– Ну вот и хорошо, а то когда по этим чертовым магазинам...

Тоже мне женщина, подумал я. Мобильник отключился, я вернулся к дороге и поймал частника, занимающегося извозом. Надо спешить, кто знает, на каком участке дороги Лариска. Когда приспичит, то не ходит, а летает, как стриж над озером.

Зайдя в квартиру, я едва успел включить плиту, как звякнул домофон. Мазнул пальцем по кнопке, Лариска что-то верещит в крохотном экранчике, но я не слушал: бросил на сково-

родку ломтик масла, скорлупа яиц трещит под ударами тупой стороны ножа, как черепа орков, добавил ветчины и поставил на огонь.

Лариска вбежала растрепанная и расстроенная, но успела звучно чмокнуть в щеку, мы ж друзья, в глазах чуть ли не отчаяние.

– А ты знаешь, – выпалила она горячо, – что Бритни Спирс ходит без трусов и везде показывает свою пилотку?

– Показывает? – усомнился я.

– Вроде бы нечаянно!

– А-а-а, ну как и ты...

Она запротестовала:

– Я только сиськи, а она вообще!

– И все нечаянно? – спросил я с интересом.

– Вот такие лохи! – крикнула Лариска зло. – У нас показали ролик!

– Да, есть у нас еще люди, – согласился я. – Честные, аж жуть.

– Включи комп, – потребовала она, – я тебе покажу!

– Показывай без компа, – предложил я. – Он, гад, отвлекает. Щас я сяду поудобнее, а ты стриптизуй.

Она возмутилась:

– Я о деле! Когда ты будешь серьезным?

– Комп включен, – объяснил я. – Это скринсейвер такой прикольный.

– Щас я тебе найду это свинство...

Она ринулась к компу, там сопела, бурчала, лицо унылое и разочарованное. Вот так всегда – Запад обгоняет, приходится вдогонку, а как только тут освоят такой вот метод сидения на стуле, чтобы в тот момент, когда видит нацеленный на нее фотоаппарат, как бы невзначай перебросить ногу за ногу, меняя местами, в этом случае приоткрывается зажатое тугими ляжками интимное место, папарацци спешно делает снимок... вообще-то успевает сделать их туеву кучу, сейчас такие скоростные аппараты, что в секунду делают тридцать снимков, а дома просматривает и отбирает лучшие...

Я потрянул головой: снова живу старыми мерками. Папарацци просматривает снимки тут же на встроенном экранчике, выбирает самый скандальный и по электронной почте отправляет в редакцию, где мгновенно вбрасывают в газету. Плюс этот же снимок и другие выставляются за приличную плату на сайте, рассылают по мобильникам.

Лариска сказала агрессивно:

– Что у тебя на компе? Куда все делось?

– Смена эрогенных зон, – пояснил я.

Она широко раскрыла прекрасные глаза, пухлые детские губы чуть раздвинулись, и хотя я уже почти не из этого мира, хотя бы глубоко внутри, я ж асексуал, но невольно представил, как тут же вкладываю в этот зовущий рот. И хотя уже проделывал это десятки раз, с Лариской это всякий раз сладостно, как будто впервые.

– Это как?

– Ищи по яндексу, – посоветовал я. – Или по гуглу. Я всю порнуху убрал.

– Это не порнуха, – ответила она возмущенно. – Это искусство!

– Ага, – согласился я. – Бритни Спирс – искусство. Так и набери.

Она торопливо стучала по клавишам, быстрая и сосредоточенная, как белка. На экране высветилась первая из найденных страниц, я не рассмотрел издали, сколько найдено, но цифра семизначная. Да, Бритни Спирс – это не какой-нибудь безвестный творец, что так и умер, не получив ни цента за созданную им аську, не отец Интернета, которому приходилось квартплату вносить в рассрочку...

– Вот, смотри!

– Шас, – пообещал я, – проверю яичницу. Если сгорит, ты ж меня и убьешь.

Она мотнула головой:

– Что ты какой-то... настоящий мужик! Только о еде и думаешь.

Я промолчал, что когда на нее смотрю, то думаю не только о еде, да и не только я, Лариска очень уж в этот момент не трахательная, сходил на кухню и как раз вовремя снял сковороду. Яичница из дюжины яиц шипит и стреляет мелкими фонтанчиками сока, я торопливо разрезал строго пополам и перевалил на тарелочки.

– Готово! – крикнул я и пояснил: – Яичница готова! И ветчина – пальчики оближешь...

Из комнаты донесся злой вскрик Лариски:

– Ты что, дразнишься?

– Иду-иду, – сказал я.

Лариска сидит в напряженной позе перед монитором, там прокручиваются одни и те же коротенькие сценки, снятые мобильником. Ролики высокого качества, и хотя некоторые места нарочито смазаны, вроде снималось впопыхах и тайком, но мы с Лариской – стреляные воробы, нас на таком не проведешь...

– Да, – согласился я, – срежиссировано умело.

– Сволочи, – воскликнула она.

– Еще какие, – подтвердил я. – Снова опередили!

– Хуже, – сказала она зло. – Мне надо убедить хоть одного, а там целая группа занималась тем, что ставили ей ноги, подкрашивали всю щель, взбивали губы, чтобы... смотри, какие толстые! Да у нее пилотка никогда не была таким сочным местом!

– М-м-м, – сказал я в затруднении. – Ну, если судить по ее генетическому типу, то... может быть. Но может и не быть.

– Я видела! – вскричала Лариска разозленно. – Она и раньше показывала! Но сперва хватало и так, а теперь, когда и другие начали... вот и делает, чтоб как у надувной куклы!

Я посмотрел внимательно, промотал ролик еще разок, замедляя движение на самых пикантных кадрах, даже остановил и сделал пару скриншотов.

– Да нет, – сказал я наконец с сомнением, – у надувных все же получше. Еще один плюсики в пользу высоких технологий. Пойдем, там яичница остывает.

Она возмутилась:

– Да иди ты со своей яичницей!

– Лариска, – сказал я отечески, – я по мордочке вижу, ты проголодалась.

Она отмахнулась:

– Может быть. Но сейчас не до еды. Что же делать, что делать... Ты не брешь, пока у надувных нет внутри компьютеров... преимущество у нас!

– Не скажи, – возразил я. – У нормальных мужчин какие требования к женщинам? Чтобы лежала – раз, молча – два.

Она снова отмахнулась, уже не слушая:

– Славик, давай побыстрее сделаем и со мной такое же?

– А я при чем? – удивился я. – Тебе нужен просто оператор. Ну, можно еще осветителя.

И примера.

Она огрызнулась:

– Мало, сам видишь! А ты в своей фотожопе из мухи слона делаешь, и все видят натурального элфанта!

– Это не в фотожабе, – поправил я автоматически, – но для тебя, Лариска, сделаю, если не слишком сложно. Хоть двух элфантов.

– Ну давай-давай, берись!

Она подтащила мне кресло, я запротестовал и настоял, чтобы сперва яичницу. Лариска моментально оказалась на кухне, и когда я подошел и сел за стол, ее порция уже исчезала, словно горсть снега на раскаленной сковородке.

– Ну ты и... – сказал я обалдело. – Молодец!

– Да проголодалась я, – промычала она с набитым ртом, – проголодалась... Все, пойдем.

– Дай доесть, – взмолился я. – Удавлюсь же...

Она сказала с отвращением:

– Все жрешь и жрешь... Куда в тебя столько влазит?

Не дожидаясь, когда прожую последний ломоть ветчины, она выпихнула меня из кухни в комнату к компу, но, когда мышка скользнула под ладонь, я быстро вошел в привычный мир и темп, пальцы гоняют курсор по нужным пиктограммам, в черепе застучала мысль: виртуальный мир – да, наркотик. Но в такой же мере наркотик и кино, и даже книги. Но если отобрать книги и кино, человек все равно найдет способ уйти в виртуальные миры без всяких компьютеров, книг и дисков с фильмами... просто лечь и помечтать.

А можно даже и не ложиться. Этот наркотик, увы, у нас всегда при себе, а шприц наготове. Чуть какая неприятность – сразу можно вколоть себе в вену грезу, как расправляешься с обидчиком, становишься миллионером, а Люська горько жалеет, что показала сиськи не тебе, а Кольке.

Так что не надо про комп и этот проклятый Интернет, что, оказывается, зомбирует – слово-то какое! – и заставляет людей убивать. Да еще бензопилой, ага. Любая книга, если на то пошло, зомбирует. И чем книга лучше, тем зомбирует сильнее. А самые великие зомбисты – Пушкин, Толстой, Достоевский, Чехов и всякие разные Бунины...

– Есть, – сказал я, выныривая из размышлизмов. – Как тебе эта?

Лариска наморщила лоб.

– Гм... а пооткровеннее, но так, чтобы не совсем откровенно, а вроде бы подсмотрено... У тебя же есть?

– Давай пошарим...

Я вывел на весь экран thumbnails, у меня великое множество Ларискиных фоток: и она любит фотографироваться, и я первые дни шелкал затвором безостановочно, гордый тем, что передо мной раздевается такая красotka.

– Вот этот, – сказала Лариска. – Нет, вот этот!

– Точно?

– Не знаю, – призналась она. – Посмотрим еще. Сделай покрупнее.

– Долго придется выбирать, – предупредил я.

– А что, к тебе кто-то придет на ночь? – спросила Лариска и, не дожидаясь ответа, сказала деловито: – Я вам мешать не буду. Если понадобится, могу даже поассистировать.

Я пробурчал:

– Да никого не жду.

– Тогда нет проблем, – решила она. – О, вот эту!..

Я развернул на весь экран указанную фотку, Лариска на ней в самом деле не видела, как я ее шелкнул, очень умело ухватив в движении, когда закидывает ногу на седло велосипеда, а разогретая и налившаяся кровью от интенсивного движения пилотка очень зовуще и эротично приоткрылась, выпустив внутренние губы, тоже набухшие и ярко красные, словно напившиеся крови гигантские комары.

– Хороша, – признался я. – Настолько, что я бы ничего не трогал.

– Нет, – возразила она, – давай вот здесь увеличь, здесь раздуй, а вот тут чуточку добавь алости... Так нежнее. Словно солнечный луч пронизывает.

– У тебя такими бывают уши, – заметил я.

– Сделай таким и там, – сказала она настойчиво. – И клитор увеличь.

– А его зачем?

– Сейчас модно крупный!

– Ладно, сделаю покрупнее... Но с этого ракурса его не видно.

– Догадываюсь, – ответила она сердито, в голосе прозвучало сожаление, – но все равно сделай. Я знаю, понадобится!

Когда работает умелец, это занимает считанные минуты. Можно уложиться даже в секунды. Но Лариска мой друг, я провозился двадцать минут, зато Лариска взвизгнула в восторге, увидев результат:

– Круто! Славка, ты – гений!

– Было над чем работать, – признался я. – Это не какую-то корявую переделывать в фото-модель. Ставить?

– Да, – сказала она твердо. – Давай на самые посещаемые. Руснетовские, конечно! Подзаголовок щас придумаю... Вот: «Лариска Немировская оскандалилась возле дома...», нет: «Лариску Немировскую спалили папарацци...» Или: «Позор Лариске Немировской...»

– Да все хорошо, – сказал я, – мы же на разные закинем, вот и нужны разные подписи, словно это владельцы сайтов передирают друг у друга клевый снимок.

– Ты думаешь?

– Да, – признался я. – Иногда думаю. Даже – головой.

Глава 7

Забросить снимки на посещаемые форумы не трудно, хоть и хлопотно. Я всобачил их на первую пятерку, а оттуда сами расплзутся, сам знаю, что выдал ходовой материал.

Когда забрел на кухню в рассуждении, чего бы пожевать, голенькая Лариска сидит, поставив одну ногу пяткой на стул, согнулась, как кот на помойке, выставив острые позвонки, левой рукой медленно двигает вниз зеркальцем, озабоченно рассматривает свои половые губы. Пальцы правой руки озабоченно щупают припухлости.

– Что-то случилось? – спросил я и, невольно возгордившись, спросил: – Не натерла?

– Посмотри, – сказала она. – У меня вот здесь не слишком обвисает? «Губы бантиком» стоит всего триста долларов. Вся операция длится пару часов...

– Что за бантики? – спросил я.

– Чудак, ты один на свете не знаешь! Как ты и живешь на свете, такой дикий? Это подкачка геля во внешние губы, укорачивание внутренних, увеличение клитора... Самая модная операция, уже догоняет по имплантации груди, а по подтяжке обогнала.

Я сел напротив, потом опустился на пол, внимательно пытаюсь найти дефекты, на которые указывает Лариска, но по своей мужской тупости или бесчувственности к прекрасному так и не нашел. Лариска так и эдак захватывала пальцами нежную розовую плоть, выворачивала, оттягивала, но я все равно не находил изъянов.

– Эх ты, – сказала наконец Лариска разочарованно, – что ты понимаешь!

– Да, – согласился я вынужденно, – нам как-то важнее не какая, а само наличие. Но я ж тебе все подправил!

– Это в жабе, – ответила она уныло. – А мне надо такое, как ты сделал, и наяву!

– Ну ты даешь, – сказал я пораженно.

– А что? Как ни крути, а наука идет вперед. Грудь с имплантатами всегда красивее, чем без них! Даже у молоденьких девочек. И никакими упражнениями или диетами не сбросишь так быстро вес, как липосакцией... А с этой штукой так и вообще... Я что, виновата, если у меня такой маленький клитор?

– Ни фига не маленький, – возразил я. – Глупости! Но если надо, дорисую.

Она отмахнулась, что с тупым разговаривать, другим надо не рисунок показывать, я попросил:

– погоди, загляну в поисковик.

Здесь же на кухне я быстро ввел в Яндекс эти самые «губки бантиком», ошалел от тысяч и тысяч статей на эту щекотливую, по моему дремучему мнению, тему. Так бы о проблемах освоения планет писали!

Лариска заглядывала через плечо, охнула.

– Ох, там написано, две недели нельзя сексом...

– Потерпишь, – сказал я с видом старшего брата. – Кроме того, у тебя такой бархатный анус...

Она отмахнулась:

– Да все, кто знает, так и делают! Но через три дня концерт в Коршунграде. Придет не то мэр, не то олигарх... он там всем правит, должна быть готова. Приезжающих с выступлениями трахает, хобби у него. Не могу же сразу сказать: только не туда?.. Он же все равно захочет везде!

Я взялся готовить кофе, я и на ночь тоже пью, подумал, что хирургия давно была готова к изменению формы груди, жопы, ног и вообще всего тела, но не была готова мораль. Даже лица исправляли только жутко искалеченным в авариях, а о коммерческом использовании не было и речи. Сейчас же плотину прорвало.

И показательно, что такие труды по исправлению половых губ требуют, понятно, демонстрации полученного совершенства. Женщина, которая резко улучшила форму половых губ, сама не может ими налюбоваться, с гордостью раздевается перед партнером и вообще рада случаю продемонстрировать их при любом подвернувшемся случае.

Хорошо, если это «само собой»: сидя на стуле, медленно перебросила ногу на ногу или же расположилась в низком кресле, а еще удачно села, раздвинув ноги, в кафе... и в других подобных местах, их женщины сразу берут на карандаш.

Но этого мало: старалась, делала, терпела, платила, а теперь показывать только украдкой? С грудью намного проще, ее можно демонстрировать и в платье! Все равно видно форму. И вот жажда демонстрировать свои успехи в превращении половых губ из органа... ну, выделения в символ изящества и красоты ломает барьеры, установленные некогда церковью, а затем перешедшие в повседневную жизнь.

Так что лавина уже стронулась, но пока еще только начинает разгон. А ничего не подзревающее человечество копошится у подножия горы в мирной зеленой долине.

Перед сном я посидел за компом, не могу не полазить по Инету, Лариска посмотрела на часы и рассудила, что домой добираться уже поздно.

Когда я пришел в спальню, Лариска уже тихонько спит, свернувшись в клубок и развернув ко мне роскошные ягодички. Я тихонько лег, обнял ее по-братски, асексуал я или не асексуал, и тоже заснул тихо и мирно.

Дурость, сказал я себе, не перестает быть дуростью от того, что большинство привержено этой дурости. А большинство привержено именно дурости уже потому, что целиком из Люш, Василис, Татьян и Ольг, а также тех, кто еще ниже по уровню. Те у пивного ларька, роняя слюни, рассуждают, как бы враз опустили доллар и вывели страну на верх процветания. А в космос не хрен лезть, это ниче не даст моему огороду...

Отсюда вывод: большинство населения – дураки, если уж называть все своими именами, на хрен политкорректность, я же не на трибуне и не заявку о приеме на работу заполняю. Если же большинство дураки, развиваем мысль дальше, то большинство не право.

Идем дальше... Большинство – враг для любой оригинальной мысли, большинство требует, чтобы все были как оно, большинство, состоящее из тупеньких Люш. Потому столько анекдотов о профессорах-идиотах и ни одного – о тупом большинстве, для которых эти профессора нечто вроде марсиан. Большинство всегда все знает, в том числе и как вывести страну к вершинам процветания, этого не знает только то крохотное меньшинство, которое как раз и находится на вершине власти. А еще не знают тупые профессора-академики, что в советниках у такого же тупого правительства.

Наконец, окончательный вывод: если мои взгляды начнут совпадать со взглядами и вкусами большинства, это значит – тону, надо срочно выползть из этого болота. То есть менять взгляды, менять вкусы, менять привычки и способ существования.

Я глубоко вздохнул, с силой потер ладонями лицо. Они у меня не шершавые, но все равно морда загорелась, будто облили бензином и подожгли. Наверное, все-таки устыдился. Это я-то устыдился. Сейчас две тысячи седьмой год, когда нигде и ничего не стыдно, везде свобода и демократия, но я все-таки устыдился, урод... Отстал от жизни, хотя всем нам приятнее думать, что обогнал.

Но если предположить, что в будущем снова начну стыдиться, то я, выходит, все же обогнал.

Коновалов, он у нас креативный директор, перед обедом вызвал к себе в кабинет.

– Ты обещал, – напомнил он хмуро, – посмотреть по Инету материалы по нэцкэ.

– Посмотрел, – ответил я.

– И как?

– Отобрал, распечатал, – сообщил я. – Все в самом лучшем виде!

– Давай.

– Вот, целая пачка. А это координаты московских коллекционеров. Не всех, конечно, многие избегают огласки.

Он проворчал:

– Понятно, краденое скупают... Ого, тут немало асек и е-мэйлов.

– Даже скайпы есть, – добавил я.

– А это что еще за..?

– Это типа видеоконф, – пояснил я.

– Почему у меня еще нет? – спросил он подозрительно.

– Дык веб-камеру нужно, – сообщил я. – А она деньги стоит...

Он прорычал:

– Ты что? Я директор или где? У директора все должно быть! В лучшем виде. Узнай, что и как. Составь смету, подпишу. Установить сам сможешь? Или вызывать бригаду специалистов?

Я сдержал улыбку, смолчал, у меня скайп давно, ответил, потупя глазки:

– Сумею сам.

– Иди в бухгалтерию! – велел он. – Я позвоню, чтобы дали под отчет тебе... сколько скажешь. Но отчитаешься за каждый рупь, понял? Иди, пока дотопаешь, я распоряджусь!..

– Все сделаю, шеф, – заверил я.

– Когда?

– Да сегодня и сделаю, – сказал я, снова умолчав, что веб-камеры продаются в каждом компьютерном магазине, даже в том хилом, что в соседнем здании, а установка займет две минуты. От силы – три.

– Даешь, – ответил он пораженно. Посмотрел на меня значительно и добавил: – Честный ты, Слава, за что и цену. Другой бы надувал щеки и говорил про технические трудности, а времени взял бы с неделю, а то и две. Еще и прибавку к зарплате требовал бы!

Я шаркнул ножкой.

– Да чего там... Дело несложное.

– Ладно, иди, действуй.

– Спасибо, шеф.

Я с облегчением покинул кабинет, не люблю бывать у руководства, это все равно что заходить к стоматологу даже просто на осмотр. Коновалов, когда-то неутомимый работник, всегда горел на работе, но вдруг как-то странно перегорел, как о нем говорят за его спиной, лишь остатки былой энергии не дают спиться, теперь его качнуло в коллекционерство-любительство. Сейчас снова мода что-то собирать, коллекционировать: он собирает нэцкэ, хотя мода на них прошла лет тридцать назад. Его заместитель, глядя на шефа, подбирает книги, что, на мой взгляд, тоже устаревшее: куда проще и удобнее скачивать из Инета.

Меня тоже подбивали то на одно, то на другое, я отнекивался, мол, ни к чему душа не лежит, пока не обнаружил, что с великим и несколько странным интересом всегда рассматриваю фотографии далеких галактик, туманностей, взрывы сверхновых и даже просто снимки участков неба, понятные только специалистам. А мои красивые и героические поступки, где я крут, красив, смел и спасаю человечество, все чаще переносятся в космические области.

Сегодня, установив шефу скайп, после работы зашел по дороге перекусить в крохотной кафешке, в череде вяло переползают одна через другую полудохлые мысли насчет куда бы пойти. В глаза бросилось на противоположной стороне улицы название «Галактика». На миг показалось, что фешенебельный ресторан, казино или что-то еще чрезвычайно нужное современному человеку, без которых он просто жить не может, но, приглядевшись, с удивлением рассмотрел витрину книжного магазина.

Поколебавшись, свернул, любопытно, совсем близко к дому, когда же он открылся. В дверях столкнулся с парой, несут целую стопку книг, учебники, совсем сумасшедшие, любые учебные материалы надо брать из Инета: бумажные устаревают раньше, чем выходят из типографии.

Едва переступил порог, ощутил, как сладко заныло сердце. Прямо наискось уходит большой стенд с книгами и атласами по астрономии. На обложках красочные фотографии высокой печати Магелланова Облака, Конской Головы, шарового скопления Галактики... В душе шевельнулось странное чувство узнавания. Я замер, пытаюсь сосредоточиться на этом ощущении, но в спину легонько толкнули. Посторонился, давая пройти, с другой стороны протопала группа молодых парней и девушек, беспрерывно жуют, надувают пузыри и гогочут, и неясное ощущение медленно растаяло.

Раздосадованный, я прошел к полкам с книгами, корешки толстые, в суперобложках, глянцевые, что значит малые тиражи и высокие цены. Отдельно полка с атласами, солидный магазин, если такой вот некоммерческой литературы целый отдел. Представляю, сколько места отведено дамским соплям, спиномозговушкам и сказкам для взрослых, именуемым фантастикой. Иногда даже, для прикола, наверное, – научной фантастике. Это где между галактиками дерутся световыми мечами, а роботы переговариваются человечьими голосами, будто в них нет радиосвязи.

У дальнего конца стенда девушка в строгом сером платье, с короткими волосами, блестящими, как звериный мех. Она сняла с полки альбом большого формата так изящно и строго, что я залюбовался отточенными движениями и дальше неотрывно смотрел, с какой сосредоточенностью углубилась в рассматривание картинок. Платье скрадывает фигуру, но сразу видно, что вторичные половые признаки либо развиты слабо, либо совсем не развиты, но, когда, поворачиваясь ближе к лампе, обратила лицо в мою сторону, сердце дрогнуло от восторга. Именно такими в детстве я представлял персидских царевен и сказочных пери...

Альбом в ее руках отсвечивает блеском ламп, бросает в глаза мне зайчики, иногда блики пробегают и по ее лицу, немножко несовременному, что ли, неземному, слишком уж одухотворенному...

Она всматривалась в глянцевую фотографию, мне альбом показался настолько красочным, что решил было, рассматривает картину Валеджи, у него масса таких изображений космоса, сказал благожелательно:

– Вот там, в отделе «Изобразительное фэнтези», еще три альбома Валеджи. И Ройо там же...

Она взглянула на меня с удивлением, тонкие дуги бровей приподнялись, в глазах непонимание.

– Простите...

Альбом в ее руках качнулся, блеск перестал раздражать мне глаза, я узнал фото Крабовидной туманности, снятой в гамма-лучах.

– Это вы простите, – сказал я поспешно, лицо мое опалило жаром. – Я сглупил, простите... Не рассмотрел рисунок, решил, идиот, что рассматриваете картины фэнтезийных художников. Еще раз простите идиота!

Она несколько мгновений пылливо рассматривала меня, красиво очерченные губы раздвинулись в легкой улыбке.

– Ничего, ошибка понятна. Снято в самом деле очень красиво.

– Теперь видно, – сказал я, – что это Крабовидная туманность, но тогда я решил... господи, что за дурак!

– Да не казните себя так, – мягко сказала она, перевела взгляд на подпись, кивнула. – Да, это в самом деле Крабовидная. Вы астроном?

– Нет, что вы.

– Но вы сразу ее узнали...

Я развел руками:

– Если бы сразу.

Она улыбнулась шире:

– Да не казните себя так. Я бы не узнала. Хотя я на факультете звездной астрономии.

Правда, только на первом курсе.

– Вы счастливый человек, – вырвалось у меня.

Ее глаза округлились, а брови поднялись еще выше.

– Почему?

– Занимаетесь таким увлекательным делом! В смысле, изучаете, но потом займетесь... и будете раскрывать тайны темной материи, темной энергии, пространственных струн и даже спин-трейдов...

Народ, я имею в виду интеллигентный народ, про остальных из политкорректности умолчим-с, все еще полагает, что Вселенная расширяется, так сказать, линейно. Совсем недавно наблюдения показали, что Вселенная почему-то расширяется с немалым ускорением. Ничем не удавалось такой феномен объяснить, пока ряд ученых не сошлись во мнении, что во Вселенной существует некая неизвестная субстанция и что этой субстанции не меньше чем семьдесят пять процентов! Ее назвали «темной энергией». Именно она и дает основную плотность энергии Вселенной.

Еще двадцать два процента состава Вселенной приходится на «темную материю», еще одна таинственная форма вещества, о которой не имеем никакого понятия, кроме того, что она есть... Еще не обнаружена приборами, но открыта «на кончике пера», как были открыты самые дальние планеты Солнечной системы.

И только три процента приходится на то, из чего, как нам казалось всегда, и состоит Вселенная: протоны, нейтроны, античастицы, фотоны, нейтрино...

Она смотрела с таким уважением, что даже хорошенький ротик слегка приоткрылся. Но тут же овладела собой, лицо снова стало классически строгим.

– Любители обычно проникают дальше профессионалов, – сказала она, но я уловил в ее голосе нотки превосходства, все-таки любители – это любители, а профи – это профи. – И, кроме того, сразу видно, что вы астрономию любите. А по мне этого не скажешь. Я, может быть, иду в астрономы ради каких-то меркантильных целей.

Я сказал недоверчиво:

– Мне трудно представить, что меркантильность может привести в астрономию... Там много не наварить. Кстати, если вы только начинающий астроном, то я в самом деле могу чем-то помочь. Что вы ищете?

Она мягко улыбнулась:

– Еще сама не знаю.

– Как это?

Она посмотрела на меня искоса.

– Удивлены?

– Ну, все идет за чем-то определенным.

Она покачала головой:

– Я просто шла мимо.

– Я тоже, – вырвалось у меня. – Простите, не хочу брякнуть какую-то банальность, но... вы зашли в книжный магазин, а не в ювелирный!

Она улыбнулась, я смотрел, как артистически грациозно кладет альбом на место. Нет, фигура у нее в порядке, когда вот так вытягивается, заметно, что есть и две маленьких груди, и длинные ноги.

– Я тоже зашел в книжный, – сказал я, – и тут встретил вас. А сейчас дрожу от ужаса, что мог бы пройти мимо.

Ее губы чуть-чуть дрогнули в усмешке.

– В самом деле?

– В самом, – заверил я. – Можно мне предложить вам чашку кофе? Вот в том углу даже столики. А то от книжной пыли горло пересыхает.

Она посмотрела на меня серьезно и немножко удивленно:

– В самом деле? А я не заметила...

– В самом, в самом, – заверил я. – Вы искали что-то определенное?

Она кивнула:

– Мне сказали, что здесь можно отыскать фотографии черных дыр.

– Черных... дыр?

– Ну да, – сказала она сердито и посмотрела на меня с подозрением, – а вы что имели в виду?

– Нет-нет, – сказал я поспешно, – я именно черные дыры в виду и... имел.

– Тогда почему такая ехидная улыбка?

– Простите, – сказал я с великим раскаянием. – Просто я подумал, что это обычный розыгрыш старшекурсников над нубами. Дело в том, что фотографии черных дыр не могут существовать в природе. Тем более, по последним данным, черных дыр нет вообще.

Она возразила тихо, но я ощутил протест в ее мягком шелковом голосе:

– Как это нет? Есть же снимки!

– На которых ничего не видно, – сказал я. – Получены они сложнейшими методами фотографирования в различных спектрах отраженных волн и наложениях их на другие шумы Вселенной. На этих снимках можно увидеть все, что угодно. В том числе и черные дыры. В универсе все еще их преподают?

Она ответила несколько растерянно:

– Ну, есть на третьем курсе пара лекций...

Я развел руками:

– Простите, что сообщаю такую неприятную весть, но Джордж Чаплин, а это крупнейший авторитет, доказал недавно, что коллапс массивных звезд создает не черные дыры, как все еще утверждает нынешняя астрофизика...

Я сделал паузу, она спросила недоверчиво, но уже попавшись на крючок:

– А что?

– Коллапс создает особый тип звезд, содержащих темную энергию. А самих черных дыр, увы, не существует, хотя с ними какие только надежды не связывали! Вплоть до мечты, что через них можно будет попадать в другие вселенные.

Она задумалась, глядя на меня исподлобья, а я тихо любовался ее нездешней красотой, строгой и филигранной, словно она не человек, а нечто из другого мира, более продвинутого и одухотворенного.

В самом деле, во всех учебниках, теперь уже быстро устаревающих, трактуется, что когда нарушается равновесие и звезда начинает неудержимо сжиматься, то стискивается до тех пор, пока не превратится в точку, чуть ли не микроскопическую, хоть и с прежней массой. Сила тяготения становится такой, что даже электромагнитное излучение не может вырваться, и такая звезда становится абсолютной невидимкой. Но сейчас в этой истине уже не так уверены.

Она сказала с неуверенностью:

– Но как же... Именно черные дыры лучше всего подтверждают правоту теории относительности Эйнштейна.

– В чем?

– Что гравитация – это свойство пространства-времени, а массивные тела его деформируют...

Я сказал с улыбкой:

– Жаль только, что сам Эйнштейн в существование черных дыр не верил.

– Почему? – спросила она недоверчиво.

Я пожал плечами:

– Наверное, потому, что их существование противоречит квантовой механике, которую Эйнштейн тоже разрабатывал.

Она произнесла с глубоким уважением:

– Вы так много знаете... И, говорите, непрофессионал? Так кто же вы?

– Стыдно сказать, – ответил я. – Давайте я, в самом деле, лучше угощу вас чашечкой кофе. Если хотите здесь, в соседнем доме есть настоящая кафешка...

Она мило улыбнулась, чуточку иронично, я уж думал, скажет: «Давайте уж не будем тянуть, сэр!», но кивнула и ответила тепло:

– Спасибо.

– Спасибо «да»? – спросил я. – Или спасибо «нет»? Лучше «да», а то и у меня в горле пересохло...

– Да, – сказала она просто. – В том кафе, в самом деле, хороший кофе.

– Знаю, – ответил я. – Сам там заправляюсь. Странно, вас не видел, идиот...

– Может быть, – заметила она, – и видели. Но много народу, всех не упомнишь.

– Вас бы я не забыл, – ответил я. – Меня зовут Вячеславом, так в паспорте, но вообще-то я Слава, Славик. Для всех, а не только для друзей.

– Габриэлла, – сказала она. – Меня зовут Габриэлла.

Глаза ее оставались серьезными, в них я увидел легкое предостережение и напоминание, что она Габриэлла, а вовсе не Габи.

– Габриэлла, – повторил я. – Прекрасное имя... В нем что-то неземное, звездное. Как будто прилетел эльф из далекой галактики!

Она улыбнулась, я уловил что-то вроде облегчения: ведь я мог брякнуть что-то вроде: ах, какое сексуальное имя, сейчас слово «сексуальное» пихают всюду, из гнусного оскорбления оно удивительно быстро стало высшим комплиментом.

На выходе из магазина ослепил свет, преломившийся в стеклянной крыше магазина напротив. Над домами непривычно синее небо, бездонное и бесконечное, тоже слепящее синью и умытостью. Оранжевые огни на крыше разбились на множество мелких радуг и веселыми волнами упали на широкие плиты мраморного пола.

Габриэлла засмеялась и пошла по ним, легкая и праздничная, в самом деле похожая на принцессу эльфов.

Глава 8

В кафе почти пусто, как обычно в это время дня, мы выбрали удобный столик на двоих. Официант принес два кофе и пирожные, я поинтересовался:

– Габриэлла, а что за альбом вы купили?

И снова по каким-то признакам уловил, что она предпочитает это дистанцирующее «вы», хотя теперь принято сразу на «ты» и с ходу интересоваться насчет половых запросов.

Она положила на стол книгу великанского формата. Я поднял обложку, и сердце вздрогнуло. Туманность Конская Голова на фото во всей страшной потрясающей красе: мощная коричневая шея, гордая умная морда с тревожно вздернутыми ушами словно прислушивается к приближению других галактик и туманностей, сверху падает не земной и даже не галактический свет, а нечто, нечто, чему нет слов и не будет в человеческом языке.

Это я знаю, что свету взяться неоткуда, вдоль головы по всей морде взрываются многие миллионы звезд, и страшный жар и всежигающее излучение, пройдя сотни миллионов световых лет до нашей Галактики, до нашего Солнца, кажутся здесь милым утренним заревом.

Над Конской Головой голубой свет, а дальше чернота, сквозь которую смотрят испуганные звезды. Только самые яркие пробиваются через облако пыли, но, глядя на них, понимаешь с дрожью во всем теле космические расстояния, космическую мощь.

Я услышал мягкий участливый голос:

– Что-то случилось?

Я с трудом оторвал взгляд от репродукции.

– Да... но не обращайтесь внимания. Я еще не видел такого изумительного снимка! В каком диапазоне снимали, удивительно...

Она покачала головой, ее серые внимательные глаза не отрывались от моего лица.

– Ну и реакция... Люди вашего склада падают на колени перед Сикстинской мадонной.

Я с неловкостью усмехнулся:

– Это не моего склада.

– Точно?

– Можете поверить. Я, как мне объяснили приятели, глух к творениям прекрасного.

Она перевела взгляд на красочное фото, на меня, красиво очерченные губы раздвинулись в усмешке.

– Гм...

Я с неловкостью пожал плечами.

– Или у меня сдвинуто восприятие.

Она смотрела очень внимательно.

– Вы не производите впечатление психа.

– Я-то здоров, – ответил я с тоской, – как раз настолько здоров, что самому противно. Интеллигент должен быть немножко сдвинутым, а у меня только селезенка барахлит и печень нуждается в мелком ремонте, а вот нервы просто стальные!.. И психика как у грузчика, сказать стыдно. В смысле, абсолютно здоровая, без вывихов. Но тогда получается, что все мои друзья сдвинутые, шизанутые...

Она улыбнулась одними глазами. Ее ложечка изящно отделяла пирожное по ломтику, у меня всегда почему-то крошится, разваливается, пачкает блюдце, а то еще и свалится с ложки по дороге к пасти.

– Разные вкусы?

– Все разное, – сказал я. – Даже смотрим в разные стороны и говорим о разном.

– Но все-таки друзья?

Я подумал, пожал плечами.

– Наверное. Если встречаемся не только в праздники, но и просто так. Но накрытый стол меня уже достал... И разговоры, куда поехать отдыхать.

Она лукаво улыбнулась:

– А вы куда хотите поехать отдыхать?

Я вздохнул:

– К сожалению, туда не могу.

– Это где?

Я вздохнул еще тяжелее:

– Далеко.

– Ого, в Австралию?

– Еще дальше, – ответил я честно.

Она перестала улыбаться, в глазах проступило сочувствие.

– На Луну?

– На Луну... не очень, – ответил я честно, – но вот на Марс... Я хочу ходить по его красным пескам!

Она смотрела внимательно. Я с великим облегчением не заметил в ее глазах насмешки и даже удивления. Только глубокое сочувствие.

– У вас, Вячеслав, – произнесла она негромко, – хорошая мечта.

– Не мечта, – ответил я убито, – грезы...

А ведь я в самом деле, мелькнуло неожиданное, хочу бродить по пескам Марса. Вроде бы бездумно брякнул, но выразил то, что уже давно во мне прорастает тихо, малозаметно, однако прорастает.

Мечтаю, чтобы под ногами трещал метановый или какой там лед. Более того, я так жадно и долго таращу глаза на небо, люблю рассматривать фотографии далеких планет, звезд, галактик, туманностей... потому что это куда интереснее, чем высохшие кости фараонов. И только сейчас вот, сидя в кафе с девушкой, понял это. Нет, во мне какой-то сдвиг. Ненормальный я...

Я попытался взять себя в руки и посмотреть на нее мужским взглядом. Да, она по всем женским параметрам уступает Лариске, да и не только Лариске. Но в то же время у нее такое изумительное лицо с тонкими чертами, такая шея и такая фигура, словно за ее плечами тысяча поколений аристократов.

Она озабоченно взглянула на крохотные часики на левом запястье, нахмурилась:

– Ой, как время летит!

– Что случилось? – спросил я в испуге.

– Мне пора, – ответила она просто и поднялась.

Я бросил деньги на стол, к ним сразу устремился официант, чтобы быстро пересчитать и успеть задержать нас, если что не так. Габриэлла вышла на улицу, я вылетел следом, сказал, сильно волнуясь:

– Габриэлла, я так счастлив, что вас встретил... и так страшусь, что больше не увижу. Я могу позвонить вам?

Легкая улыбка чуть раздвинула ее красиво очерченные губы.

– Вячеслав, не надо...

– Почему?

Она покачала головой:

– Мне нужно учиться.

– Но все студентки...

– Я не все, – ответила она мягко, но я ощутил, что под этой мягкостью скрывается титановая плита толщиной с обшивку космического корабля. – Мне в самом деле нравится учеба. Правда.

– Но для души...

Я не договорил, что и для тела тоже, но она сразу покачала головой.

– И для ума, и для души у меня моя астрономия, Вячеслав. Ничего мне пока больше не надо. Я вижу, как девчонки теряют время и силы на ерунду всякую... уж извините, но я никудышняя женщина... в смысле, как женщина. Наверное, буду хорошим астрономом.

Она примирительно улыбнулась, ласково коснулась моей руки. Глаза ее, чистые и лучистые, смотрели тепло, но другая рука уже делала взмахи, останавливая машины.

Скрипнув тормозами, остановился потрепанный жигуль, хриплый голос спросил деловито:

– Куда поедет, хозяин?

Я не успел открыть рот, Габриэлла открыла дверцу и села на заднее сиденье. Еще раз улыбнулась мне через стекло, машина угодливо рванулась, изображая рвение. Я остался на обочине, свет померк, словно грозовая туча закрыла солнце, а на душе стало тоскливо.

Сегодня я двигался через черный и мертвый космос медленно и неторопливо, словно скопление звезд из одной галактики в другую. Время для меня не имеет значения, я в поисках и вот сейчас смотрю в надежде, что здесь отыщу то, что необходимо. Очень редко вблизи проносятся через пустоту святящиеся шарики, это звезды, я мог бы их покатавать на ладони, будь у меня ладони... Нет, сразу же лопнут, как мыльные пузыри...

Нечто острое из другого измерения уперлось в меня, причиняя неудобство, я ощутил себя еще и в другом мире: микроскопическом, где тоже я, лежу на кровати, лежу не один.

С трудом разлепил веки, рядом спит, замотавшись в простыню и стянув ее с меня, Лариска. Лицо спокойное, умиротворенное, довольное. Вчера у нее концерт прошел на ура, а я хорошо поработал с аппаратурой, настроил так, что лазерные лучи успевали следовать за Ларискиной грудью, какой бы дикий прыжок она ни совершала.

А сиськи у нее классные, даже сейчас, как говорится, смотрю в глаза, но вижу только груди.

– Чем больше девушек мы любим, – пробормотал я, – тем меньше устает рука. И обратный закон: чем меньше женщину мы любим, тем больше устает рука. Так что у меня все правильно.

Но хоть простоял под горячими струями душа вдвое дольше, чем обычно, все равно не вымыл ощущение, что все-таки что-то неправильно.

Знать бы, что.

Лариска появилась на кухне заспанная и потягивающаяся, когда я ставил на стол неизменную яичницу с ветчиной и кофе с гренками. От обнаженного тела все еще пододеяльное тепло, когда все мышцы расслаблены настолько, что уже не мышцы, а теплая сладенькая плоть.

– Ранняя пташка, – сказала она и сладко зевнула. – А я вот никак не приучу себя вставать рано.

– Зачем тебе? Ты – человек искусства. Вы все совы...

Она вздохнула и придвинула к себе ближе тарелку с яичницей.

– Побеждает тот, кто рано встает.

– Но вы же поздно ложитесь?

– Все равно, – пояснила она неумолимо, – вставать надо рано. Чтобы трудиться и трудиться!

– Ух ты какая...

Она вздохнула еще горше, ее рука умело и быстро работала вилок, но между бровями пролегла складка. Я видел, что роскошное тело здесь, а душа уже на сцене отрабатывает новые движения, разучивает новую песню, что, конечно же, обязана стать хитом.

Душ она приняла потом, перед выходом, я уже стоял в прихожей, нетерпеливо позвякивая ключами. Оделась быстро и без кокетства при мне, чего стесняться, мы давно свои, наскоро подвела перед зеркалом губы, смешно выпячивая их трубочкой.

Волосы распустила по плечам: густые, длинные, роскошные, блестящие. А длинные волосы – это почти то же, что крупные сиськи. В восприятии мужчин, понятно. Мы с одинаковым удовольствием смотрим и на крупную женскую грудь, и на длинные волосы. И всегда инстинктивно представляем, как бы эти роскошные волосы разметались по подушке.

В старину, когда женщины волосы не стригли, им предписывалось ходить в платках.

Сейчас такое время, что даже если и не думаешь о траханье, его все равно навязывают со всех сторон средствами СМИ, книг, кино, ток-шоу. А еще полоумные идиоты, которые как-то втерлись в деятели культуры, тоже с экранов жвачников толкуют о необходимости постоянно трахаться, трахаться, трахаться, принимать пилюли по увеличению члена и снова трахаться, трахаться, совокупляться, заказывать постоянно поставку виагры и трахаться, трахаться...

Я спохватился, подумал обеспокоенно, а не потому ли я трахаюсь, что поддался рекламе... Фу, я столько же трахался и раньше. Более того, памятуя, что лучший друг у паренька – его правая рука, я стал чаще заходить в ванную и вручную сбрасывать излишки, чтобы не начинали руководить мною, куда идти и что сделать. Это же ясно, что я должен взять записную книжку и начинать обзванивать знакомых подруг на предмет совокупления.

Когда поймали такси, Лариска напомнила:

– Славик, у меня сегодня концерт очень важный!

– У тебя все важные, – сказал я.

Машина медленно ползла по запруженной улице, а что будет, когда въедем в центр, страшно подумать. Лариска ерзала, нетерпеливо оглядывалась по сторонам.

– У меня все важные, – согласилась она. – Мне расти надо!

– Ты растешь.

– Медленно!

– Ого, да тебе мелочь завидует, а примы начинают присматриваться с явным подозрением...

Она сердито фыркнула:

– Это ж нормально.

– Никто не любит, когда их опережают.

– Придется им это принять, – заявила она безапелляционно. – А ты уж проследи, чтобы твоя техника не подвела! Как группу Баребасова с их танцевальным ансамблем.

– Меня тогда не было, – напомнил я, – а Корнеев за пультом – что блондинка за рулем.

– Но ты сам проследи, хорошо?

– Хорошо, – пообещал я. – Чего я для тебя не сделаю, поросенок!

– Это я – поросенок?

– Ладно, пусть деловая женщина.

Она подумала, кивнула:

– Нет, пусть лучше поросенок.

Лицо ее оставалось отстраненным, даже пощупала меня только для того, чтобы сделать приятное, хорошая девчонка, никогда не забывает сделать другим хорошо, но душа ее, вижу по глазам, уже неистовствует на сцене под рев музыки.

Вернее, работает на сцене.

Машина прижалась к бордюру, я сказал:

– Беги, мой деловой поросенок.

– А ты?

– У меня сегодня в левом крыле больше работы. Но на твой концерт приду.

Она улыбнулась и в самом деле пробежалась до подъезда. Вообще-то следить за цветовой музыкой не мое дело, но ради Лариски ладно. Не зря же она так старалась в постели.

Глава 9

Фотокамера в моем мобильнике не самая слабая, такие вполне устраивают абсолютное большинство. Меня, конечно, не устраивает, но камерой мобильного я не пользуюсь. Практически единственный снимок – это фото Габриэллы, я успел заснять ее, когда сидели в кафе.

В мою студию заглядывали то шеф, то его заместители, каждый обращал внимание на ее портрет, он у меня на самом большом экране.

– Красивая девушка... Это кто?

– Суперзвезда, – говорил я всякий раз. – Но для самой-самой элиты.

Корнеев рассматривал ее дольше всех, хмурился, рассматривал со всех ракурсов.

– Нет, – заявил он, – не пойдет.

– Куда?

– На рекламу не пойдет.

– Думаешь?

– Точно, – заверил он. – У меня чутье.

Я покачал головой:

– Чутье – это не довод. Хочешь кого-то убедить, давай что-то повесомее.

Он продолжал рассматривать ее портрет с недоверием и даже подозрительностью.

– Не пойдет, – повторил он. – Слишком... да, слишком...

– Что?

– Изысканна, – он вздохнул. – А мы рекламируем массовый продукт.

Я загадочно улыбнулся:

– Да?

Он насторожился:

– Ты что? Отхватил заказ от алмазной фирмы? Или от торговцев жемчугом?

– Ага, – сказал я, – признаешь, что именно такие лучше всего смотрятся в драгоценностях?

Он фыркнул:

– Наоборот. Драгоценности смотрятся лучше всего на таких женщинах.

– Спасибо, – сказал я с удовлетворением. – Вот и работаю, как видишь...

Он хмыкнул и ушел, а я перетаскивал фото из программы в программу, работал с масками, светотенями, контрастом и прочими фидами, пиксели вылезают наружу, но после тщательной обработки снимок получился больше похожим на дорогую картину, а пиксели исчезли.

Место на стене выберу в прихожей, чтобы Габриэлла смотрела на меня сразу же, как переступаю порог. Да и чтоб провожала, когда иду на работу... В сердце сладкий шем, теперь смутно понимаю все эти мерехлюндии насчет душевного томления и муки сладкой. Но в те века они были уместны, а сейчас я выгляжу каким-то уродом.

И если еще могу признаться, что ничего особенного не нахожу в сексе с женами друзей, то в таком вот... в мерехлюндиях и душевном томлении – никогда и никому.

Тягостное ощущение, что все это не кончится добром, как не кончилось такое же в Древнем Риме, с каждым днем все отчетливее, тягостнее. Я буквально чувствую страшную грозовую тучу, что сгущается над миром. Ту самую, что в библейские времена выжгла, как клоповник, Содом и Гоморру, на заре христианства уничтожила сверхмогучую Римскую империю... за то же самое: за разврат, содомию и половые утехи, возведенные в культ, а теперь собирается над ничего не подозревающим чужаком и готовится обрушить на него испепеляющий гнев.

Мне страшно, как собаке или крысе, что чует приближение грозы. Мы вообще-то чуем даже грядущие землетрясения, цунами и просыпающиеся вулканы, чего не чует остальной мир, благодаря чему некоторые из нас успевают спастись, в то время как весь мир гибнет.

Но откуда грянет гроза? В какой форме? В виде огненного дождя, что испепелил два города, или в виде нового религиозного учения, что уничтожил сильнейшую империю с тысячами городов? Или чем-то абсолютно новым?

Конечно, будет что-то новое... Но что?

Может быть, гроза за то, что, как и отдельное существо, все человечество сейчас катастрофически сползает в утехы? А утехы становятся все проще, примитивнее и спектр их ширится? Вот уже и гомосексуализм легализован, лесбийство, скотоложство, вот-вот отменят статьи за детскую педерастию...

Но, как и отдельная особь, человечество периодически спохватывается, обожравшись половых утех, и бросается в другую крайность. Начинаются поиски Бога, вспыхивают кровавые войны за более точное толкование строк Библии, мир со стыдом объявляет, что это его дьявол попутал с его половыми утехами, и спешно чистится от его влияния, тысячами сжигая ведьм и устраивая крестовые походы за веру, а пламенные аскеты демонстрируют отказ от любых утех и полное презрение к плоти...

Я хожу последнее время не то чтобы пришибленный, но время от времени поглядываю на небо. И хотя на этот раз точно будет не огненный дождь, даже не новое христианство, однако что-то страшное грядет... Намного более страшное, чем огненный дождь или христианство. В первом случае сожгло два города, во втором – Римскую империю, но сейчас уже вся планета в похотливых лапищах дьявола!

Потому в этот раз что-то будет намного страшнее.

Господь долго терпит, всплыла мысль, но больно бьет. На этот раз гибелью одной империи не отделаемся.

Сегодня дома комп что-то долго загружался, проверил и перепроверил антивирусом, заподозрил червей, но ко мне решил не обращаться, сам разобрался и что-то вылечил, что-то удалил вовсе. Я вошел в Сеть, пока поисковики подбирали нужные материалы и сортировали по группам, по аське и скайпу пришло несколько предложений потрахаться. У одной имя показалось забавным: Муравьенок, я щелкнул курсором, на экране появилась девичья мордочка с озабоченно нахмуренными бровями. Она увидела меня, мордашка тут же расплылась в улыбке, рот до ушей, глаза засверкали.

– Привет, – сказала она, – я тут между лекциями!

– Ага, – ответил я понимающе, – сколько у тебя времени?

– Да хорошо бы в десять минут, – ответила она весело, глаза сияют, веселая и беззаботная рожица. – О'кей?.. Мне надо, а то я что-то бледная...

– Постараемся, – заверил я. – Да, это для цвета лица просто необходимо!

Она начала раздеваться, я тут же сказал, что класс, клево, классные сиськи, ух ты, какой нежный животик, она, в свою очередь, одобрила мой пресс, уже голенькая отодвинулась от экрана, чтобы я видел, как достает навороченный вибратор, длинный шнур с разъемом воткнула в USB.

– А ты? – спросила она.

– Почти готов, – ответил я бодро и, в свою очередь, вытащил из-под стола вагину. Не уверен, что модель самая крутая, каждый месяц на рынок выбрасывают все совершеннее. Скоро эти вагины, постоянно дополняемые добавочными функциями, будут за пивом ходить и счета за квартиру оплачивать.

– Поехали, – прошептала она.

Мы включили одновременно, я говорил с девчонкой негромко и доброжелательно, стараясь не пропустить ни одного комплимента, она задышала чаще уже на второй минуте, на

четвертой испытала первый оргазм, но я видел, что она из серийниц, продолжал манипулировать вибратором, регулируя скорость и частоту, а также температурный режим, она, в свою очередь, ухитрялась даже в минуты пика оргазма не терять контроль над вагиной. Я чувствовал умелое сокращение губчатой нежной ткани именно в том режиме, чтобы довести меня до вот-вот и в таком блаженном состоянии подержать как можно дольше.

Наконец я услышал ее хриплый жаркий шепот:

– Все, больше не смогу...

– Хорошо, – ответил я, – я давно готов.

Она слабо улыбнулась, вагина заработала чаще и сильнее, девчонка впиалась взглядом в мое лицо, и когда я изогнулся в сильнейшем оргазме, она тоже вскрикнула, выгнула спину, что-то пропищала тонким детским голоском.

Еще с полминуты мы не двигались, потом она подняла голову, наши взгляды встретились.

– Это было дико, – произнесла она прерывающимся голосом. – Я думала, уже не смогу...

Я занесу твой номер в список избранных, хорошо?

Я кивнул, чувствуя некоторую мужскую гордость.

– Давай. Это было клево.

– Спасибо!.. Ой, мне пора бежать.

Она не вырубилась в знак дружбы веб-камеру, я видел, как быстро оделась, убрала все лишнее под стол, тетради и учебники запихнула в сумочку, деловая и вся уже университетская, мило улыбнулась в экран на прощанье и отрубилась связь.

Я посидел чуть, переводя дух, кликнул на новостной телеканал, была обещана подборка о высоких технологиях, но передвинули, что ли, а идет видеоряд о пугающих женщинах. Вот они громко и вонюче пугают в людном магазине, вот в такси, вот на улице, вот в лифте, вот на свидании...

Интернет так и вовсе заполнен этими материалами, совсем недавно считавшимися крамольными. Сейчас – нет, я смотрю с вялым интересом, да и то лишь потому, что эти пугальщицы смущаются и время от времени дают основание улыбнуться, как вот эта, что торопливо размахивает букетом цветов, разгоняя вонь, или вон та красотка, что села в машину, смачно и с облегчением перднула и только потом обнаружила, что на заднем сиденье тихонько ждут ее интеллигентные и чопорные родители жениха...

Но эти видеоматериалы множатся, видеокамеры теперь у всех с того дня, как только появились навороченные мобильники, из-за массовости интерес к пугающим теряется быстро, и скоро надо будет переходить на тех, кто перднул и укакался. Да не просто укакался, а обильно, обильно, чтоб по ногам потекло.

Но и такое долго не продержится в рейтинге интересов нарушения запретности. Подумаешь, с каждым может случиться. А что дальше?

В человеке изначально борется стремление к свободе выражения чувств и к строжайшему контролю над этими чувствами. Не знаю, как и почему, специально не допытывался, да для меня и неважно. Объясняю тем, что Господь вдохнул душу в ком сырой глины, с тех пор, мол, и началась борьба плоти и духа.

Неважно, верно это или не верно, я о самой борьбе и о том, что победу одерживают по очереди. Ну, на смену оргиям Рима пришел аскетизм первых христиан, на смену аскетизму – политкорректность демократов, а это еще те оргии, на смену политкорректности приходит... то, чему еще нет названия и что накапливается в грозно сгущающихся тучах.

Интересная особенность нашей психики: хотим быть предельно свободными, в то же время нам больше симпатичны люди, что соблюдают строгие правила и запреты. Нам нравятся люди, что держат слово, что не ударят в спину или ниже пояса даже в реальном бою, которые не читают чужие письма, кто корректен и вежлив, кто не нарушает правила этикета, кто встает перед женщиной и открывает ей дверь...

Сейчас вот кульминация разгула и освобождения от всех норм. Мне страшно, потому что всеми фибрами чую ледяное дыхание Новых Пуритан. А так как никакая Римская империя и близко не сравнится в чувственном разгуле с нашим временем, то и нынешнее очищение будет великим. Намного более жестким и сокрушительным, чем приход христианства в роскошный античный мир.

Небо черно-синее, на западе небольшое фиолетовое зарево до самого края земли, а вот облака тихо скользят по хрустально купола, странно белые, как будто днем. Правда, если днем слегка оранжевые, то сейчас подсвечены голубым, даже синим. Если запрокинуть голову и долго смотреть на них, то облака останавливаются, начинает двигаться луна, а тут уже можно досмотреться до того, что теряешь равновесие и позорно падаешь сам.

Когда облака закрывают луну, она будто огромным прыжком отдаляется в черноту и бездну космоса, такую бездну, что я стараюсь о ней не думать. Холодок ужаса пробирает до мозга костей, но все равно думаю и все равно представляю.

Я все еще торчал на балконе, когда задержался мобильник в нагрудном кармане. Я вытаскивал, на экране улыбающаяся морда Лариски.

– Привет! Не забыл, сегодня к Люше?!

– Опять? – спросил я. – Недавно были!

– Ну и что? – удивилась она. – У них очень мило. К тому же теперь у Василисы день рождения.

Я сказал с тоской:

– Лариска, а на фиг они тебе? Ты же артистка...

Она сказала таинственно:

– Позвонил Демьян, сказал, что придет...

– Это кто? – переспросил я.

– Забыл? Это тот бодрый толстячок, Люшин однокашник. Он в самом деле влиятельное лицо в концерне «Никель-проект».

– Которое оказывает спонсорскую помощь искусству, – вспомнил я. – Ага, понятно. А твоя цель – эту абстрактную помощь сделать более целенаправленной... Так?

– Так, – подтвердила она ликующе. – Ты ужасно милый и все схватываешь сразу! Он уже подтвердил, что да, перенацелит. Мне просто надо все по-быстрому закрепить.

– Тогда топай, – сказал я. – Работа – в первую очередь.

Она надула губки, вздохнула:

– Увы, он под домашним гнетом. Супруга у него ревнивая, представляешь, есть еще такие дуры! А развод для него будет крахом, он в некий опасный период записал на нее почти всю недвижимость и яхты.

– Понятно, – сказал я, – тебе нужно прикрытие?

– Славик, ты ужасно милый!

– Ладно, – сказал я с тоской. – Только паршиво, что к Люше...

Она удивилась:

– А тебе какая разница? Сейчас все – Люши!

– Ты просто чудо, – вздохнул я.

– Я знаю, милый.

Через полчаса я подкатил на такси к условленному месту, Лариска прыгнула в машину, а еще минут через двадцать мы остановились перед домом, где обитает Люша. Лариска счастливо взвизгнула: перед подъездом среди рядовых иномарок выделяется могучий бентли, диски девятнадцатидюймовые, дизайн – ультра, весь из себя, загадочный и могучий.

– Уже здесь, – шепнула жарко в ухо. – Хорошая примета.

– Еще бы, – буркнул я.

- Ты что, ревнуешь? – удивилась она.
- Не знаю, – ответил я, – но мне он не нравится.
- Мне тоже, – сообщила она, – но у него такие возможности!
- Да понимаю.
- Ты ужасно милый! Ты знаешь?

Лифт поднял на площадку, Люша встречал широкими объятиями. Меня вжало в его широкую подушечную грудь, а когда я освободился и смог дышать, подумал тоскливо: да что я, как говно в проруби, качаюсь на волнах, а волны хоть бы от цунами, а то либо от Лариски, либо от Люши, либо от говняной работы.

В большой комнате, как обычно, женщины накрывают огромный стол, с кухни шипение поджариваемого мяса, шкварчание, лязг и звон, озабоченно-радостные голоса.

В прихожей встретила Василиса, кольхая мясами, расцеловалась. Мы поздравили и вручили подарки, купленные по дороге, главное – внимание, Лариску сразу же жадно и чувственно перехватил Демьян, Люшин однокашник. Она бросила на меня победный взгляд, потащил ее по лестнице на второй этаж.

Мужчины обменялись со мной крепкими рукопожатиями, только Константин сунул для приветствия ладонь не по-мужски вялую, словно не вкладывает в этот жест ритуальный смысл.

- Ну что, пойдём жрать?
- Я думал, вы тут и без нас, – ответил я, – успели...

Он отмахнулся:

- Да жрем, жрем...
- И как?
- Скоро догоним Люшу.
- Благородная цель, – признал я. – Правда, других, к счастью, нет.
- Как нет? А трахаться?
- Да, еще трахаться...

Он многозначительно воздел палец.

– Нет, трахаться важнее. Во всяком случае, траханье рекламируют, а чревоугодие осуждают. Правда, мягенько, мягенько... Чтоб не вредить экономике.

- Главное, – согласился я, – поговорить. А поговорить – это вроде бы уже сделать.
- Поговорить мы любим, – согласился он.
- На любом уровне, – сказал я намекая.
- А что делать? – спросил он. – Весь мир из таких вот компашек...

Мы посмотрели друг на друга понимающе, но из большой комнаты раздался голос именинницы, призывающей за стол, и мы, одновременно вздохнув, обреченно потащились на зов.

В передней еще звонок, мы оба, не сговариваясь, повернулись к двери. Явился Барабин Леша, старый друг, красномордый, веселый и жизнерадостный, с ходу облапил нас, поздравил с великим событием.

- Каким? – спросил я.

Он удивился:

- Ну вы совсем темные!.. «Спартак» на поле «Маджестика» вдул ему два безответных!
- Ух ты, – дежурно удивился Константин. – Это немало...
- Немало? – завопил Барабин. – Да это разгром! Такое удалось только «Грассхопперу»

восемнадцать лет назад, да и то на своем поле!.. Когда у них играл сам Гангрэм, перешедший к ним из «Сэлтика»...

Константин и я кивали, соглашались. Барабин – фанат футбола, знает все о своей любимой команде, собирает ее значки, фото, обклеивает ими стены, от зарплаты отщипывает весь год, чтобы собрать денег на чемпионат. А уж там отрывается в группе поддержки: раскраши-

вает лицо цветами команды, увлеченно скандирует с трибуны лозунги, а после матчей устраивает драки с идиотами, что осмелились болеть за команду соперников.

Полгода тому его выбрали капитаном группы поддержки, некая финансовая компания выделила около миллиона долларов, и ошалевший Барабин, что раньше все делал на энтузиазме, развернул бурную деятельность: закупал флажки, форму, краски, заказывал плакаты и транспаранты, нанял двух спортивных инструкторов. Те учили сот пять болельщиков одновременно вскидывать руки и скандировать лозунги: «Спартак» – мясо!», «Динамо» – козлы!», «ЦСКА» – кони!»

Я как-то увидел их тренировку и был впечатлен. Это же какие деньги вбрасываются на такое «нужное» дело, а наука с голоду стены грызет, профессора чуть ли не грузчиками нанимаются подрабатывать, а тут – миллион получите! На что? А просто так, чтобы болельщикам веселее было и чтоб громче орал!

Барабин тогда попытался и меня втянуть хотя бы в подготовку болельщиков, если уж отказываюсь ездить вслед за любимой командой и бесноваться на трибунах, выкрикивая оскорбления в адрес болеющих за команду соперников, а также вступать с ними врукопашную при первом же соприкосновении.

Вообще Барабин с его неистощимой энергией самое то, что может организовать любую группу поддержки: хоть на выборах президента, хоть по его свержению, хоть в защиту пингинов Антарктиды.

Глава 10

В большой комнате уже рассаживаются за главным столом. К нам вышел Люша и намерился погнать, как стадо овец, к накрытому столу, но воспротивился Константин. Поговорить охота, давно не виделись. Люша тут же отгеснил нас в кабинет, там накрыт небольшой стол с аперитивами. Барабин, перехватывая инициативу, тут же налил себе и повел рукой над бутылками, как маг-экстрасенс.

– Костя, тебе че?.. Ага, мартини... А тебе, Слава?.. Мартини или баккарди?.. Ух ты, какой ром! Знаю-знаю, слона с ног валит.

Я помотал головой:

– Нет.

– Тогда вина?

– И вина не надо, – ответил я.

Он посмотрел озадаченно.

– Так чего? Водки?

– Пока хочу сохранить трезвую голову, – ответил я.

Барабин поморщился, посмотрел так, словно я оскорбил его на людной площади. Константин и Люша посмотрели укоризненно: мы ж пьем эту гадость, а ты хочешь избежать?

– Кому нужны трезвые головы? – удивился Барабин. – Да еще после рабочего дня? Ты что-то не то говоришь.

– Верно, – поддержал Константин. – Посмотришь по сторонам, а окружающая действительность так и шепчет: хоть укради, но выпей!

Барабин хохотнул, Люша засмеялся гулко и мощно, Барабин повторил настойчиво:

– Так что налить?

– Ничего, – повторил я. – Спасибо, я сам себе налью. То, что за рулем, не принимается?

– А ты за рулем?

– Нет еще, – признался я, – но подумываю купить.

– Руль? – уточнил Барабин и с готовностью захохотал.

– На руль уже хватит, – согласился я. – Даже на одну фару.

Барабин, не давая сбить себя с твердой мужской линии, продолжал:

– Так что тебе налить?

Я ответил уже суше:

– Давай, я как-то сам с этим разберусь.

Константин толкнул Люшу, тот хмыкнул, но оба развернулись и ушли в гостиную. Оттуда донесся взрыв хохота, Барабин смотрел на меня с детской обидой.

– Ты че? В любой компашке все должны быть примерно в одном градусе. Иначе фиг склеимся, а склеиваться надо, мы ж общество, а не дикари лесные... У тебя, как посмотрю, какая-то мания величия.

– С чего ты взял?

– Брезгуешь радостями нормального человека! Как будто ты...

Пока не брякнул обидное «супермен», «Наполеон» или что-то подобное, я сказал, соглашаясь:

– Так то – нормальные. А я – ненормальный.

Он прищурился, в живых глазах проступило подозрение, словно увидел настоящего шпиона.

– Это в каком смысле?

– В самом прямом, – сказал я поспешно. – Чего-то во мне не хватает. Может быть, микроэлементов каких?

Он гулко захохотал, откинулся всем телом, большой живот мерно заколыхался.

– Йода, наверное... ха-ха!

– Наверное, – согласился я, хотя, судя по его тону, с недостатком йода что-то связано, дебилизм какой-нибудь или олигофрения. – Кто знает? Ладно, бывай...

Он удивился:

– Ты куда?

– На балкон, – буркнул я. – Куда здесь еще?

Он гыгыкнул:

– А че, второй этаж занят?.. Да ты че вдруг озверел?

– Дурак ты, – сказал я с сердцем.

Ничуть не обидевшись, болельщики – народ жизнерадостный, на такие мелочи внимания не обращают, ухватил меня за рукав.

– погоди! Мы собираемся завтра в клуб на Весниной! Там клевая тусовка собирается!

– Это без меня решили.

– Ну и что? Пойдешь с нами. Ты ж всегда ходил с нами!

– Во мне йода не хватает, – ответил я и, выдернув рукав, пошел в сторону балкона.

– Обиделся? – крикнул он вдогонку. – Ну ты даешь! Это же приколы, чудак! Ты и на приколы не реагируешь? Да ты в самом деле ненормальный...

Да, ненормальный, мелькнуло у меня в голове. Я в самом деле ненормальный. Только йода и всякого во мне вряд ли недостает, скорее – в избытке. Потому и ненормальный. Когда мало – ненормальный, когда много – тоже. Нормальные – это вот такие, как Люша или Барабин. Что-то не хочется быть такой нормой...

Я вышел на лестничную площадку, там за углом шелест платья и сладострастное сопение, надо бы уйти, но я понимаю, что так им еще интереснее, как будто бы в полшаге от опасности, постоял, всерьез подумывая, а не махнуть ли на все и не уйти домой... но обещал Лариске побыть прикрытием, да и как-то неловко уйти, не люблю конфликтов, я хоть и бурчу, но сама бесконфликтность...

За углом наконец засопели в два голоса особенно страстно и затихли. Я не стал выяснять, кто там, повернулся спиной и открыл дверь в комнату.

Барабин уже на балконе, довольно ржет над собственными шутками, рядом негромко хихикает Ольга, а я напоролся на тугой, как шар Монгольфье, объемный живот Люши. Хозяин квартиры, несмотря на свой вес и размеры, неутомимо двигается как броуновская частица, следя, чтобы везде было веселье.

Он облапил меня, хорошо хоть не поцеловал. От него мощно пахнет копченой колбасой, жареным салом, луком и горькими травами, что разжигают аппетит и позволяют есть еще, еще, еще.

– Ты куда? – захохотал он утробно. – К Таньке?.. Она на кухне, ветчину жарит! С яичницей, конечно. Люблю это дело, что-то в душе переворачивается, когда жареная яичница... Наверное, предки сперва только птичьи яйца по кустам собирали лет эдак миллионов пять, потом научились жарить прямо на камнях костра, вот у меня генетическая память и срабатывает!

Он в самом деле показался похожим на пещерного человека, разве что те не были такими ухоженно-толстыми. А так вполне, вполне...

– На балкон, – объяснил я. – Хочу подышать свежим воздухом. Воняет здесь...

Он загоготал:

– Воняет? Да это же самый что ни есть запах подгоревшего мяса! Это же... эх, не понимаешь! А за свежим воздухом надо в Турцию. А если лучше – в Египет. Но если успеешь, мы берем тебя с собой в Ирак, там открыли руины какого-то древнего города, даже в Библии есть! Представляешь? Эх, это все надо увидеть, тогда только прочувствуешь...

Я ощутил, что от запаха кухни, от потного и жутко смердящего тела Люши и жирных голосов меня вот-вот вывернет наизнанку. Я прохрипел с внезапной злобой:

– Да на хрена мне эти развалины? На хрена эти древнеегипетские... или как их там?

Люша спросил озадаченно:

– А куда ты хочешь?

Барабин услышал, захохотал утробно:

– В жопу он хочет! Татьяна и Ольга, у них жопы – во!

Ольга ткнула его кулаком в бок, но улыбнулась и чуть оттопырила задницу, показывая, что да, с этим у нее все в порядке.

Я сказал злобно:

– Хочу идти по Марсу, по его красным пескам! И чтоб в небе далекая планета Земля... Вот что я хочу! Хочу бродить по спутникам Юпитера, и чтоб метановый лед хрустел под ногами!.. Вот что мне интересно! А не засохший верблюжий навоз...

Ольга сказала обиженно:

– Славик, ты ничего не понимаешь! Если свежий навоз, то да, а если навоз верблюда, который жил три тысячи лет тому...

Люша спросил хитро:

– А если верблюд, на котором Иисус Христос въехал в Иерусалим? Навозу такого верблюда цены нет!

Он говорил совершенно серьезно, я видел по его глазам, по лицу, по жестам. Говорит и верит, что это в самом деле так, что навоз верблюда, что помер три тысячи лет тому, ценен уже потому, что ему три тысячи лет. Этого достаточно, чтобы стать ценностью архитектурной, если верблюд навалил большую кучу, или просто археологической, если куча не слишком, не слишком велика и фигурна.

А вдруг, мелькнуло в черепе паническое, все-таки не мир сошел с ума, а это я такой вот... в самом деле ненормальный? Не могут же все ошибаться? Что я умный, знаю, но не могут же все вокруг быть абсолютнейшими идиотами? Значит, что-то сдвинуто во мне самом?

Я примирительно улыбнулся Люше, ничего с собой не могу поделать: ну не удастся долго отстаивать свои убеждения. Да и нет их, если честно, этих убеждений, а только смутное недовольство. Понимаю, чего не хочу, но еще не могу внятно провякать, чего же хочу.

Люша довольно заулыбался и ушел, а я с порога балкона поднял голову, всматриваясь в звездное небо. Сегодня просто необыкновенное, даже чернота ушла, звезд такое несметное количество, что само небо в пятнах плотного белесого тумана, а кое-где и вовсе пролито молоко: недаром наша Галактика именуется Млечным Путем. Даже привычные крупные звезды тонут в мириадах мелких, что высыпали все до единой. Не могу понять этого феномена, вчера их не видел, а сегодня вот они все, да еще столько, как будто все небо превратилось в цветущий вишневый сад.

Странное преобразование звездного купола всколыхнуло, а затем наполнило чем-то странным, когда и спокойствие, и воссоединение со всем миром, включая и эти звезды, и непонятное состояние, когда я почти готов молиться... ну, как умею, а это никак, но молиться можно, наверное, и без слов, ибо всякое слово – ложь...

Небесная бездна, а я стою, запрокинув голову, и вот-вот упаду в нее, понесусь между звездами...

...дом напротив стоит по ту сторону детской площадки, на которой почти никогда не бывает детей, ее оккупировали алкаши, их не согнать, зато два других дома совсем близко, их поставили чуточку наискось, и вот так с балкона видно не только, что у них там на самих балконах, но и на кухне и в комнатах. Особенно в тех, что ниже этажами.

Я засмотрелся на девушку, что вышла на лоджию с открытыми окнами и, облокотившись на край, смотрит на площадку. Сейчас бы взобраться на перила и – лихой прыжок в ее сторону.

Все эти супермены, бэтмены и спайдермены пользуются всякими штучками, но настоящий герой должен прыгать без них, прыгает же Ван Дамм или Джеки Чан, а в «Матрице» так вообще все прыгают...

Как она ахнет и отшатнется, а я, красиво влетев в прыжке в окно, перекувыркнусь... нет, это пусть азиаты кувыркаются, а я сразу приземляюсь красиво и прочно на все обе задние лапы, улыбаюсь успокаивающе.

– Янг леди, – говорю церемонно, – не пугайтесь, я борец со злом. Просто сокращаю дорогу, если вы не против...

Она лепечет испуганно и уже восторженно:

– Ах, я вся дрожу!..

– Вечер теплый, – успокаиваю я. – Шас согреться.

– Да-да, – шепчет она. – Согрейте меня. Я уже мокрая...

– Уписались? – спрашиваю я сочувствующе.

– Нет, – шепчет она и смотрит на меня тем самым взглядом, когда уже на грани оргазма, – возьмите меня... Возьмите грубо, насильно...

– Леди, – говорю я строго, – страна зовет, я тороплюсь. Каждое мгновение дорого. Есть вещи и поважнее, чем секс!

Она в ужасе и недоумении:

– Как это? Разве такое возможно?

– Возможно! – отвечаю я трубным голосом пророка. – У мужчин всегда есть нечто повыше простого секса! Если они – мужчины!

Я подхожу к раскрытому окну и намереваюсь совершить новый прыжок, а она вскрикивает:

– А если не простой, а экстремальный? Возьмите меня, как хотите!

– Есть вещи, – отвечаю я уже голосом архангела, – что повыше даже экстремального!

И делаю прыжок, на этот раз такой длинный, что совсем исчезаю в ночной темноте. А девушка смотрит вслед с полуоткрытым ртом, мокрыми трусиками и вся воспламененная, не понимающая, что в мире может быть что-то выше секса, если по всем средствам СМИ твердят, что ничего выше уже нет...

Я вздрогнул, за спиной бодро простучали каблучки. Жаркие руки обхватили, за ухом клацнули, пугая, зубы.

– Мечтаешь?.. Нет на звездах никаких аэлит! Мы все здесь...

Когда ушли Барабин и Ольга – не заметил, зато Лариска встала рядом, бодрая и свеженькая, на губах загадочная улыбка, рожа довольная.

– Жаль, – ответил я.

– Чего?

– Что нет там аэлит... Но все равно туда тянет.

Она пихнулась плечом.

– Не получится. Придется тебе вместо шагания по звездным просторам спускаться на лифте и везти меня по грешной земле.

– А что Демьян со своей ухой?

Она улыбнулась:

– Перехватил червячка, а через час должен быть в сауне со своими коллегами. Жена знает, что у них там совещание, так что не увильнуть.

Я буркнул:

– Так, может, и тебе? В сауну?

Она покачала головой, мне послышалось в ее голосе искреннее сожаление:

– Кто-то да проболтается. Это здесь его жену никто не знает. Нет уж, на сегодня с ним все... Славик, ты что-то в последнее время... или я раньше не замечала?.. Стал какой-то не такой. Что с тобой делается?

Она прижалась горячим телом, одной рукой обхватила за талию, другую игриво просунула за пояс и под резинку трусов. Я чувствовал ее умелые ищущие пальцы.

– Вроде бы все на месте, – сказала она рассудительно. – А что еще мужчине надо?.. Ну вот, все еще работает! А то все пугают: импотенция, импотенция с каждым годом... Никакой импотенции я нигде не вижу, все это брехня.

– Ты прелесть, – сказал я.

Она оживилась:

– Правда? И ты очень милый, Славик, я все время это говорю. Мы с тобой такие прелести, что просто... Пойдем в комнату. Ты Таньку уже успел?

– Нет пока.

– Чего тянешь? У тебя вон как набухло! Пойди разгрузись, а то Барабин какое-то шампанское за пятьсот долларов принес! Надо попробовать.

В большой комнате огромный стол, подобно игристой вину, играет и блещет хрусталем бокалов, рюмок разной формы и объема, посуды, там громоздится жареное мясо, рыба, креветки, кучи лангустов и осьминогов...

Я услышал нейтральный голос Константина:

– За шведским столом можно до отвала наесться, а за русским – до упада нажраться.

Люша сказал довольноно:

– Только истинно русский человек знает, чем еда отличается от закуски!

И захохотал, колыхая всеми мясами. Это выглядело так, словно легонько встряхнули наполненный гелем огромный полиэтиленовый мешок.

Константин и Барабин тоже засмеялись, сыто гоготнул и Демьян, однокашник и ларисочник. Я выдавил улыбку, я же как все, так жить проще. Что-то Демьян задерживается, у него сауна через час.

На дальней стене широкоэкранный телевизор, маньяк с огромным зазубренным ножом гоняется за невинными девушками. Рассаживаясь, все заинтересованно следили за ним взглядами: догонит или будет вот так бегать до конца фильма?

Барабин с довольной мордой вскинул руки, показывая всем ту самую, как догадываюсь, бутылку, что полтыщи долларов.

– Ура, – сказала Лариска светлым голосом и засмеялась, словно множество серебряных колокольчиков рассыпалось по комнате. – Как хорошо!.. Люблю повеселиться...

– ...особенно пожрать, – закончил Барабин и захохотал.

Лариска милостиво кивнула, будто в самом деле это и сказала бы. Я-то знаю, что перед каждым банкетом она принимает таблетки, а после – либо как римская аристократка щекочет горло гусиным пером, чтобы облегчить желудок и не дать ему успеть переварить все это суперкалорийное, либо глотает жиросжигающее.

Мы снова по разные стороны стола, рядом со мной Таня, молча ухаживает за мной, загадочно улыбается. Распили шампанское за пятьсот, я бы не отличил от обычного, Таня мне нагребает с общего блюда на тарелку, я ем безропотно, она время от времени щупала мои гениталии и шептала, что калории мне все-таки понадобятся.

Маньяк на экране догнал невинное дите и начал кромсать нежное тело жутким ножом. Алая кровь щедро плескала на экран. Как обычно в таких случаях, все за столом повернулись и, продолжая жевать, с живейшим интересом наблюдали.

Бедным и голодным необходимы были, подумал я невольно, оптимистически-песенные фильмы об изобилии, потому косяком шли всякие «Кубанские казаки» и «Волги-Волги».

Теперь, когда все уже сытенькие и даже очень сытенькие в благополучном ухоженном мире, требуется что-то для щекотания нервов, чтобы получить такое же удовольствие. На накрытые столы «Кубанских казаков» неинтересно: на своем не меньше, а в холодильнике деликатесы из дальних стран – казакам и не снились.

И вот хлынула грязная лавина на потребу богатеньким и сытеньким. Пошло соревнование между «творцами» по линии: кто придумает урода поновее, пострашнее. Убивают, однако, по старинке только красивых женщин, да-да, молоденьких и красивых, что вообще-то понятно: их жалче, можно даже слезу выдавить из слишком впечатлительного. И убивают только жуткого вида огромными зазубренными ножами. А то и бензопилами, это ваше класс, щекочет нервы сытого обывателя еще как.

Я ощутил тоскливое бессилие, ну что я за урод, почему мне не погрузиться в это полубездумное существование? Почему не смотреть ужастики о вампирах, некромантах, оборотнях, почему не заниматься экстремальным сексом? Почему не сидеть с ящиком пива у ног и не «болеть» по жвачнику за еще более туповатых парней, либо гоняющих мяч по зеленому полю или шайбу по льду, либо забрасывающих мяч в корзину?

Лариска незаметно исчезла минут на пять, а когда возвращалась, прошла за моей спиной, ее руки дружески обняли за шею, а жаркий шепот опалил ухо:

– Все опять меняется! Езжай с Таней.

Я спросил шепотом, благо под крики из мощных динамиков сам еле слышу свой голос:

– Что стряслось?

– Ему перезвонили, встречу отложили.

– И?

– Поеду с ним. Надо пользоваться, пока еще можно.

– Успехов, – сказал я.

Она игриво ткнула меня пальцем под ребра и вернулась за стол, оставив быстро тающий запах духов. Надо пользоваться, повторил я. Пользоваться, пока за этим простеньким занятием сохраняется флер запретности, греховности. Пока те, что «нарушают», чувствуют себя нарушителями устоев, то есть героями, идущими против устоев косного общества.

Как только и этот барьер падет, а падет обязательно, останется лишь голый половой акт, а его, как ни разнообразь, хоть позами, хоть сменой партнеров – от обычных до самых экзотических, – оргазм одинаков и прост, как все низшее, примитивное, хоть и достаточно мощное.

Татьяна улыбнулась мне искоса, перемену ощутила сразу. С нею, как и с другими женщинами нашей компашки, я знаком хорошо, как и остальные мужчины. Мы все перетрахались довольно быстро, только Татьяна мудро держала дистанцию довольно долго, что подогревало к ней интерес. Потом, конечно, выяснилось, что ничего особенного, женщины еще одинаковее нас, мужчин, но все же молодец, продлила интерес.

Это она в свое время резко отвергла идею групповухи, и, как потом мы поняли, это сохранило хоть какой-то интерес друг к другу. Мы продолжаем трахаться как бы втихую друг от друга: Константин делает вид, что не видит, как Валентина, его жена, крадется наверх с кем-то или пробирается к выходу на площадку, там есть укромное место на общем балконе, она тоже «не видит», как он тайком запустил лапу под юбку Ольги и шепчет ей на ухо что-то очень скабрезное, судя по его роже.

С Татьяной в постели не очень-то, слишком самостоятельна, думает только о себе, в то время как Лариска нарасхват за свою чуткость к чужим желаниям. Но на безрыбье и Татьяна хороша, тем более что насытить ее достаточно просто, а потом с нею можно, как с надувной, разницы почти никакой.

Да и зачем?

Глава 11

Татьяна снова перехватила мой взгляд, улыбнулась и кивком головы указала на лесенку. Одно дело – пойти со мной и лечь в постель, свою или ее – неважно, другое – прокрасться в спальню Люши и, прислушиваясь к голосам внизу и шагам на лестнице...

Нарушение запретности, повторил я тупо, вот сегодняшний ключ к радостям секса. Других ключей просто не осталось. Правда, входит в моду еще одна разновидность этой культивируемой радости бытия: так называемый экстремальный, когда с обычным партнером в необычных местах: у приятеля на кухне, на крыше дома, в автомобиле, даже на эскалаторе метро... Хрень, конечно, в сексе ничего нового придумать невозможно. Эти экстремальщики, гордые своим открытием, просто не читали в собрании поговорок Даля: «Хоть со своей женой, но – в чужом сарае!»

– Да ну, – ответил я с запоздалостью замерзающего финна, – лестница такая крутая...

– И так много в ней ступенек, – добавила она в тон.

– Вот-вот, – обрадовался я. – Чуткая ты, Таня.

– Я знаю, – согласилась она. – Тогда пойдем покурим на пожарную?

Я смолчал, что не курю и что она тоже давно бросила, смолчал, что не хочется мне туда идти. Ни один мужчина не откажется уже при одной мысли, кем его могут посчитать, это инстинкт, я кивнул и вылез из-за стола. Маньяк уже успел порешить двух блондинок и гнал за третьей, на нас не обратили внимания.

Теперь во всех домах современной постройки, кроме балконов в каждой квартире, строят обязательно и так называемый общий, огромный и всегда заброшенный, потому что на этаже живут, как волки в норах, и ничего общего не хотят.

Дом Люши улучшенной планировки, что значит – общий балкон не просто огромный, но и с разными нишами, поворотами и загогулинами. Мы уединились, Татьяна начала разогреваться еще в квартире, а сейчас глаза блестят, губы красные, как у вампира, дыхание участилось, я уж подумал с беспокойством, не перешла ли с травки на что-то потяжелее...

...впрочем, это не мое дело. Она шепотом и очень деловито сказала, что нужно делать, да ради бога, мне нетрудно, теперь в теле нет запретных, стыдных или нечистых мест, Татьяна попробовала растянуть кайф, но я незаметно ускорил, и она не сдержалась, серии же у нее короткие, так что перевела дыхание, разгрузила меня, и мы вернулись, «покурив», встреченные понимающими улыбками.

Потом мы все сидели за общим столом, пили и ели, пили и ели. Люша ревниво следит, чтобы не увиливали, а ели как следует, разговор все время вертелся вокруг темы, куда поехать отдыхать и кто что купил из мебели за этот сезон.

Рекорд поставил наш старый друг Вадик Тюпавин, он купил шикарную квартиру бизнес-класса, продав свою предыдущую, пожил на квартире у друга, но вот въехал, сделал ремонт и таскает, как муравей, мебель, мебель, мебель: пять огромных комнат – это не просто!

Еще Шурик Беляев вместо своей япошки купил штатовскую иномарку, но не с рук, а в автосалоне, что сразу поднимает его рейтинг...

Я слушал, кивал, улыбался в нужных местах. Расшибаются в лепешку, добывая квартиры, дачи, машины, мебель, гробят здоровье, вместо одной машины покупают другую, ну разве что круче, круче... Не успевают бывать на даче, но не продадут: как же, престиж!

Идиоты. Я-то знаю, что самое ценное у меня не квартира, не дача и машины, которых нет пока, а самое ценное – это я. И заботиться нужно больше о себе, чем о какой-то мебели или даче, которая на самом деле и на хрен не нужна.

К сожалению, я могу менять мебель, могу ремонтировать машину, заменяя старые детали новыми, но ничего не могу сделать с собой. Все равно человек стареет, стареет, стареет... Вот

уже отрастает брюшко, скоро начну горбиться, мускулатура исчезнет, заменяясь жирком, руки превратятся в тонкие плети, на животе и боках вырастут мощные валики нежного сала. Там, где раньше была талия, появится «антиталия»: не сужение, а расширение.

Ухудшится память, появится одышка, уже не пробегу за автобусом. И хотя все еще, как говорят, в душе молод, но телом скоро буду стар. А все эти пластические операции – смех один. Убирают морщины, но ничего не могут сделать со старением организма.

Правда, если постараться, то можно старение замедлить. Если очень постараться, то замедлить можно даже очень. Еще йоги этим занимались, да кто только не занимался. Йоги из-за своей жажды жить дольше упустили настолько много, что до сих пор медитируют в грязи, а их чистенькие внуки, не думая о неизбежной смерти, становятся лучшими в мире разработчиками программ для компьютеров.

Подошел Барабин, на ходу довольно рыгнул и захохотал:

– Кость, а ты помнишь загул у Жанны? Я там так напился, что гвоздями забивал молоток!

– Да, – согласился Константин весело, – ужрались лихо. Даже не помню, как и домой попал...

– Хе, еще бы он помнил! Нас же развозили, как дрова, вдупель веселых!

– Ха-ха!

– Гы-гы!..

– Ух-га-га!

– Но то мы уж совсем лихо, – заметил Барабин, – а так вообще-то такие случаи... гм... не так часто.

– Всем управляет случай, – проворчал Константин. – Знать бы, кто управляет случаем...

– А узнал бы?

– Набил бы морду, – твердо сказал Константин. – А что? Подумаешь...

– Случай, – сказал Барабин авторитетно, – это псевдоним Бога. Когда Творец хочет остаться инкогнитой.

Захохотав, пошел дальше и увел Константина, обнимая за плечи. Я проводил их взглядом, Константин что-то вроде меня, но у него еще меньше сил и желания отгавкиваться. А еще боится оставаться в одиночестве и старается соответствовать веселью в рамках «как принято». Наверное, и я скоро перестану сопротивляться... А что, все так живут! И счастливы.

Но все равно, все равно... я не хочу в Египет, на Кипр или в Таиланд. Я хочу по красным пескам Марса! Я хочу вброд ручьи из сжиженного метана, смотреть в небо и видеть Землю: крупную – с Луны, крохотную голубую звездочку – с Марса, а вот с Плутона совсем не увижу, но и там страстно хочу побродить.

Но... как?

Первое, что требуется от меня, – дожить. Цена и физические данные – потом, мы ж оптимисты, главное – дожить. Но после тьмы веков, когда всеми религиями, моралью и поведением внедрялась мысль, что умирать не только не страшно, но даже необходимо, почетно, это наша обязанность. А кто думает увильнуть – тот трус и предатель. Сейчас нельзя даже вякнуть, что очень хочу походить по марсианским пескам, только вот надо бы прожить еще лет сто... Что за мерзавец, хочет жить вечно, а мы помирай?

Так и вы не помирайте, вертится за языке ответ, но попробуй о таком вообще! Забросают гнилыми помидорами за трусость и отступничество, за недостойное человеков желание жить дольше отмеренной жизни. Но кем отмеренной? Слепой эволюцией? А почему мы должны подчиняться тем же законам, что управляют и червяками?

В комнате уже все за столом, мужчины и женщины положили руки друг другу на плечи и вот таким сиртаки за столом раскачиваются и дружно и самозабвенно орут:

Крышталева чаша, срибна крэш,

Пыты чи нэ пыты – всэ одно помрэш!

Слова я не все понимал даже в припеве, Люша завез эту казачью песню из Украины, хотя крышталева – это хрустальная, понятно, срибна крэш, наверное, серебряный край, но это все неважно, главное – в героическом настрое! Пить или не пить – все одно помрешь, вот главное, ключевые слова, как известно, всегда выносятся в концовку. Пить или не пить – все равно помрешь...

Помню, в детстве меня, пятилетнего, отлупил какой-то здоровенный семилетний debil. Я наконец вырвался и, отбежав, кричал ему: «А мне не больно, мне не больно!», стараясь хоть этим досадить, хоть этим уесть, хоть чем-то умалить его победу.

И сейчас, когда в комнате довольный рев, звон бокалов и это лихое, что пьем и будем пить, почему у меня перед глазами тот случай? А мне не больно, а мне не больно!.. Раз уж ничего не сделать, то хотя бы отобрать у смерти ее торжество. Или хотя бы часть ее похабной радости: сделать вид, что не очень-то и хотелось, что жизнь – ерунда, копеечка, мы готовы расстаться с нею без всяких сожалений и даже до наступления отпущенного срока. А вот так: затеем войнушку, где угробим несколько миллионов жизней, а люди в ней будут соревноваться в чудесах безумной отваги: бросаясь с горящим факелом в пороховой погреб, оставаться на тонущем корабле, прыгать в пропасть, чтобы не попасть в позорный плен – лучше умереть стоя, чем жить на коленях. А еще закрывать грудью амбразуры, направлять горящие самолеты на головы врагам, таранить противника, не щадя ни своей, ни его жизни...

А поэты создадут прекрасные поэмы и песни, в которых воспоют мужество и красивую гибель настоящих мужчин, для чего еще рождаются мужчины, как не для битв и красивой гибели? И хотя поэты – почти все бравирующие свободомыслием атеисты, но их песни работают плечо в плечо с религией, что тоже убеждает не относиться всерьез к этой жизни.

У религий утешение в том, что настоящая жизнь начнется потом, уже вечная, у поэтов – пунктик насчет вечной жизни в памяти потомков, а также вечной славы героям, отдавшим жизни за, у королей и президентов – ребята, мы вам поставим памятники на главных площадях, только живите так, чтобы либо грудь в крестах, либо голова в кустах...

И везде слышу это подспудное: а мне не больно, а мне не больно! Крышталева чаша, срибна крэш, пыты чи нэ пыты – всэ одно помрэш, так будем же пить, будем веселиться и постараемся умереть молодыми, чтобы не гадить в постели и не умолять обозленную санитарку пристрелить, чтобы не мучиться. В смысле, эвтаназию, плиз...

Оскорбительно, до чего же я животное! Не в том даже смысле, что свинья, мол, а что просто существо, как и все эти мыши, собаки, воробьи... Вчера был ясный, солнечный день, и я чирикал, вышагивал по квартире и поигрывал тощей мускулатурой, настроение было такое, что мир бы перевернуть, а сегодня еле проснулся, хотя проспал на час дольше обычного.

Потащился в ванную, держась за стену, одним глазом посмотрел в окно. Так и есть: неба нет вовсе, а нечто давяще огромное окутало весь мир, сеется мелкий отвратительный дождь, и видно сразу, что кончится не скоро. Может быть, даже не сегодня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.